

The background of the book cover is a dark, atmospheric landscape. In the foreground, there are dark, silhouetted leaves and branches of a tree on the left side. Below them, a body of water, possibly a lake or a wide river, stretches across the middle ground. The water has a subtle, ethereal greenish-blue glow, suggesting a magical or otherworldly setting. The background is a soft, hazy green, blending into the sky. The overall mood is mysterious and serene.

Владимир Сушков

Делион

Огненная пляска

16+

2020

Владимир Михайлович Сушков

Делион. Огненная пляска

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60671697

SelfPub; 2020

Аннотация

По решению ордена стражей Клепий отправляется на поиски артефакта, необходимого для сохранения баланса сил света и тьмы. В Делионе вот-вот начнется хаос – Темное божество, закованное в Бездне шестью печатями, рвется на свободу и у него достаточно приверженцев, возродился культ огнепоклонников Фахтаче, а на морском востоке самозванный король ведет кровопролитную войну с Пятью Колониями. Клепий попадает в водоворот этих событий, но он готов преодолеть все это ради собственной цели, но какой ценой?

Глава первая. Зловонные топи.

405 год от начала Четвертой Эпохи. 23 число месяца Холодных Дождей.

Место: Зловонные топи. Провинция Бравия.

Осторожно опираясь на клюку, сделанную из местного дерева витыги, он пробирался по сухим островкам, стараясь удерживать равновесие. Толстая дубина позволяла не упасть в эту зловонную жижу, покрытую мхом, лишайником, кувшинками, и другой, непритязательной к чистой воде, растительностью. Поначалу, как только Клепий пришел в Зловонные топи, он надел на себя повязку, которая хоть немного спасала от этого дурного запаха. Спустя несколько дней, страж привык к жуткой вони и смог обходиться без всякой атрибутики, прикрывающей лицо.

В первый день, Клепий даже ничего не мог есть. Все, что он отправлял к себе в рот, через некоторое время возвращалось тем же путем. Зловонные топи получили свое название не просто так. Это место настолько гнусно смердело, что вокруг не было ни одного поселения в пределах ста пятидесяти стадий. Сильный ветер гнал вонь в окрестные поселения, и жителям близлежащих сел приходилось нелегко. Но спустя какое-то время Клепий все же привык. Ему приходилось спать на древних старых деревьях, чьи ветви соединялись так, что образовывали между собой ложе. На почве страж спать не рисковал – земля здесь была предательски

мягкая и часто оползала в болота.

Даже сейчас, переходя с одной кочки на другую, он чувствовал ногой, насколько влажными и ненадежными уступами они являлись. Хлюпая под тяжелым сапогом, из-под земли появлялись пузыри с тухлой водой, которая небольшими струйками устремлялась в воздух. Тропы островков блуждали по неизведанным и не отмеченным на карте маршрутам – некоторые приводили в тупик, другие были циклическими и закруглялись между собой, третьи же образовывали восьмерку, и Клепий часто натыкался на свои собственные зарубки на древних деревьях этих болот. Из живности он видел только каких-то странных птиц, о которых не слыхивал до сих пор, а также много мелкого зверья – болотных крыс, водянистых лягушек, перепков. Но это было не все живое, что обитало в Зловонных топях – некоторые монстры Тьмы охотились тут на небольших зверей и изредка утаскивали в болота людей из окрестных поселений.

Страж надеялся, что не увидит ни одного монстра или демона, пока не доберется до хижины ведьмы. Прошло уже три дня с тех пор, как он вошел в топи и начал блуждать по ним, каждый раз вырезая очередную зарубу (или фигурку, если проходил здесь во второй раз), составляя мысленно в своей голове карту. Здесь было очень темно даже ясным солнечным днем, густые кустарники и кроны толстых древних витыг закрывали свету доступ к этим местам. К вечеру, уже устроившись на ночлег в одном из гнезд, среди сплетенных

ветвей витыг, Клепий зарисовывал на своем пергаменте примерную дорогу, которую сегодня преодолел. Таким образом, день за днем, он составлял и дополнял свою собственную карту и скорее всего, она была единственной, которая хоть как-то могла рассказать об этих болотах. Никто в своем уме не стал бы посещать Зловонные топи, уж сколько разных историй рассказывают об этих местах, о различных страшных существах, а в первую очередь о древней ведьме, чей возраст старше, нежели возраст самой Империи.

Клепий остановился на одном из островков, который примыкал к корням старой витыги, чей ствол было бы трудно ухватить пяти взрослым мужчинам.

«Кажется, я что-то слышал. Или же, мои собственные уши, обманывают меня?»

Опираясь на свою дубину, он решил передохнуть и заодно послушать еще раз то, что возможно ему почудилось. Но кроме шелеста листьев, осенней песни ветра и взрывов газовых пузырей ничего не было слышно. Возможно, он еще ближе на несколько стадий к своей цели.

С виду Клепию было не больше пятидесяти солнцезаботов. Светло-русые, коротко стриженные волосы, спустя несколько недель пути, слиплись и были грязными. Голубые глаза были сродни цвету ясного дневного неба, широкий нос, ровные уши и небольшая включенная борода. На нем были надеты прочная кольчуга и кольчужные чулки, сделанные кузнецами Обители, а за его спиной развевался темный

плащ, на котором было изображено Колесо с двенадцатью спицами – символ Двенадцати богов, или попросту говоря Пантеона. Шлем и перчатки он таскал в своем мешке, так как днем на болотах от испарений было жарко, ночью же напротив – сыро и холодно, от чего Клепий промерзал даже в своих одеяниях. В вещевом мешке находилось вяленое мясо, которое можно хранить долго, ячмень для помола, соль, и кое-чего из овощей, которых уже на четвертый день осталось мало. Помимо пищевых запасов, в мешке находились различные лечебные травы, веревка из конского волоса, мази, пергамент с чернилами, и другие менее нужные в походе вещи.

«Пора передохнуть. Я могу сновать туда-сюда целый день, так и не найдя хижину колдуньи».

Несмотря на то, что на страже были кольчужные доспехи, он с легкостью смог забраться по толстым почкам и прочным ветвям на дерево в свое очередное гнездо. Ветви сплелись здесь настолько прочным узлом, что их даже мечом перерубить невозможно. На поясе Клепия висели ножны, в которых находился полуторный меч, подаренный ему в Ордене на совершеннолетие.

«О, Двенадцать богов, как же давно это было. А ведь сейчас и не верится, что я когда-то был молодым. Не миновало еще и пятидесяти солнцееоборотов, а я уже чувствую себя уставшим стариком».

Однако покой членам Ордена Стражей при жизни мог

только снится. Вся их жизнь посвящена борьбе с Тьмой и ее созданиями, которая не прекращается ни на секунду. При поступлении в Орден, каждый воин дает обет. В клятве говорится о безраздельной службе во благо Двенадцати богов и трона Империи.

«Прошло столько лет, а клятву я помню до сих пор. Как же это было давно, но и сейчас, закрыв глаза, вижу все-тот же помост, где стою на коленях перед магистром».

Магистр с мечом в правой руке, и книгой пророчеств в левой, произносит слова над Клепием, тот же в ответ произносит клятву верности Ордену. Меч опускается на левое плечо.

– Сим же рази в сердца врагов человеческих, – оплетенная кожей и инкрустированная золотом книга опускается на правое плечо стража.

– И помни же слова, во имя которых ты служишь людям, – завершил свою речь магистр.

Тогда Клепию было всего шестнадцать лет, больше тридцати лет назад, он слабо представлял, как сложится в ордене стражей его жизнь.

Устроившись удобнее, на ветвях деревьев там, где в ствол попала молния и поделила его на две части, путник устроил небольшой очаг. Правда, разводить огонь – не собирался, слишком опасно приковывать к себе внимание. Открыв сумку, он нашарил в ней небольшой кусок вяленой говядины и остатки уже затвердевшей лепешки, изготовленной четыре

дня назад. Ужин оказался черствым, но голод говорил о том, что это было невероятно вкусно.

Его размышления вернулись к тому дню, когда посланец передал указание от магистра Ордена, срочно явиться к нему. Несмотря на то, что утро было солнечным, ветра задували через ставни окон. Скучно обставленная келья, где изредка проживали стражи, когда были в обители (а чаще всего они бывали на заданиях в различных частях Делиона, или выполняли обязательства по убийству Демонов и менее опасных существ), была холодной, от чего Клепий проснулся очень рано, и, совсем того не ожидая, услышал стук в дверь.

Разжевав кусок вяленого мяса, он отправил его в желудок вслед за черствой лепешкой, затем снова вернулся мысленно в то роковое утро.

Тогда, достопочтенный магистр, рассказал о том, что тучи начали сгущаться не только над Империей и расой людей, но и над всем Делионом.

– Еще несколько десятков лет назад, прислужники Тьмы сидели и не высывались из своих нор. Сегодня же почти в каждом городе есть различные культы Тьмы, некоторые из особо ретивых в открытую хулят Двенадцать богов, земли Бравии кишат различными тварями и мутантами, самого консула подозревают в поклонении Тьме.

Клепий помнил все дословно и не мог с этим не согласиться. За последние годы произошло много различных инцидентов, это было тревожным сигналом.

– Тьма пробуждается, сын мой, – продолжил магистр – Последователи Скованного (да будет проклято его имя) начали искать шесть Печатей, стражи существуют именно для того, чтобы помешать им.

Тогда Клепий все понял. Чтобы прислужники Тьмы не нашли печатей, стражи должны найти их первыми и уничтожить. Это не было секретом еще с той поры, когда на свет был выведен ребенок, которого называли Флавианом.

– Ему уготовано уничтожить эти печати. Но найти их можем только мы. – Магистр продолжил речь, рассказав о том, что у него появилась зацепка, которая поможет в поисках.

Небольшой перекус подходил к концу. Еды Клепию пока хватало, а вот с водой были определенные проблемы. Ее оставалось совсем немного, он старался экономить, выпивая за раз не более глотка.

Зацепка касалась одной ведьмы.

– В книге имперского историка Тевробия, которая считалась до сих пор утерянной, наши писцы нашли упоминания одной из печатей, – говорил в тот день магистр. – Ясным языком было указано, что она одно время находилась у бравлян-ской ведьмы, проживающей в Зловонных топях.

Именно тогда, три недели назад, страж начал свое путешествие. Действия Тьмы по поиску все шести печатей, дабы освободить своего хозяина – Скованного бога, началась в тот момент.

«Думаю, узнать место хранения печати будет ничем не

легче, чем найти саму ведьму».

И Клепий понимал, что, скорее всего он прав. Света становилось все меньше, солнце клонилось к закату, однако страж решил продолжить свой путь.

«Пока не стемнеет полностью, попробую закрыть пробелы на своей карте, авось повезет найти хижину».

Он достал пергамент со своими каракулями и начал изучать его. Клепий водил указательным пальцем по проложенным линиям, старался высчитать каждую тропу. В итоге, на пергаменте была изображена карта с множеством закорючек, линий и геометрических фигур. Каждая тропа, которая приводила в тупик, была помечена и он, в конце концов, нашел одну, которую не исследовал.

Ниоткуда появились странные птицы с черными перьями, неуклюжей вытянутой головой, похожие на воронов, но значительно меньше размером. Они перелетали с ветки на ветку, но продолжали сидеть на том же дереве, что и путник, тому, с свою очередь, чудилось, будто они за ним наблюдают.

Решив не терять времени зря, Клепий собрал все в свой мешок, глотнув воды, уложил фляжку на самое дно и, спустившись с дерева, побрел по тропе, которую отметил на карте. Преодолевая кочку за кочкой, он осторожно обошел большую часть болота по корням деревьев, а затем и по твердой почве, которая являлась продолжением тропы. Низкорослые кустарники находились прямо в болоте, их корни уходили далеко в ил, а на ветвях росли красные ягоды. Часть куста

была объедена каким-то зверьем, скорее всего перепками, которые походили на крыс, но отличались широкими и длинными хвостами. Клепий знал, насколько эти ягоды опасны. Человек, попробовавший горсть этих ягод вывернет свой желудок наизнанку, далее последует кровавый понос, отек легких и, в лучшем случае, он умрет в течение дня. В худшем же – медленная мучительная смерть.

Внезапно тропа из кочек здесь оборвалась. Дальше было болото, с едва вырисовывающимися бугорками суши.

«Боги послали мне очередное испытание»

Дубина из витыги была выше Клепия. Он опустил ее сухим концом в болото до тех пор, пока этот конец не преодолел мягкий ил и не уперся в твердую почву. Вытащив клюку из воды, страж поставил ее рядом с собой.

«Что ж, по колено, можно рискнуть»

Сначала Клепий снял с себя плащ, свернул его в трубочку и убрал в мешок, чтобы тот не тянул его вниз, под воду. Плащ был больше атрибутикой и неплохо согревал в холодную погоду, но в битве, либо долгих переходах был бесполезен.

Первый шаг дался нелегко. Как будто ступаешь в неизвестность. Нога с железным кольчужным чулком погрузилась в прохладную зловонную воду. Клепию казалось, будто его засасывает сама бездна. Почву он нащупал не сразу, опираясь на дубину, опустил вторую ногу в болото, и вода оказалась по колено. По крайней мере, ненадолго. Стоять на одном месте было опасно – твердая почва начинала уходить

из-под ног, и вода уже достигла его бедер. Передвигаться в болоте, которое еще и засасывает тебя в кольчужных чулках, сложно. Мешок с продовольствием уже начинал касаться воды, и имперец решил поторопить события.

Переставить ногу оказалось не так-то просто. Ил продолжал засасывать ее вместе с кольчужным чулком. Сделав некоторые усилия, страж переставил сначала левую ногу, затем правую и вода снова оказалась ему по колено. Проверять палкой место для следующего шага, не было времени, за несколько секунд тело Клепия погрузилось на целую ладонь. Сделав еще один шаг левой ногой, он оперся на свою дубину и не без усилия переставил правую.

В этот момент дубина ушла под воду и Клепий, не удержав равновесия, плюхнулся в вонючую жижу, чудом не захлебнув ее. Он оказался под болотной водой, опираясь на руки, попытался встать. Ножны с мечом и мешок с продовольствием тянули его в правую сторону, туда, где полностью исчезла дубина. Собравшись с силами, стараясь не поддаваться панике, годами отточенное мастерство владения эфиром и самим собой помогло Клепию вынырнуть из-под воды, схватившись правой рукой за первую кочку, которая выпирала на поверхности, словно голова притаившегося животного.

– Вот Бездна! – выругался вслух страж, держась за бугор двумя руками так, будто он через несколько секунд уйдет на дно.

Он был сильно раздосадован этой оплошностью, лямка

мешка спала с левой руки и держалась только на предплечье правой.

«Наверняка все мои пожитки намокли. Боги в свидетели, я даже не знаю, смогу ли что-нибудь поесть после вонючей воды».

А это значило, что пути назад уже не было. Весь мокрый от болотистой жижи, Клепий взобрался на бугор, чтобы передохнуть и в голове начал перебирать варианты того, что можно использовать в пищу.

«Перепки питаются ядовитыми ягодами, крысы в свою очередь едят перепков, о лягушках не может быть и речи».

Клепий, в отличие от обычных людей, был меньше подвержен эмоциям, в том числе и страху, но это рассуждение натолкнуло на мысль, что он может остаться голодным.

«Остаются только эти странные птицы».

Однако, задвинув эти мысли на задворки своего мозга, поковылял дальше по кочкам. Лишившись своей дубины, он шел еще медленнее и аккуратнее. Если он сорвется хоть с одной из этих кочек, то его засосет трясина, и страж навеки останется в Зловонных топях.

«Жуткая смерть для жуткого человека»

Но все обошлось. Тропа из кочек закончилась у небольшого более или менее сухого бережка, где росли кустарники, которые до этого момента Клепию не встречались.

Выйдя на твердую землю, он приземлился на пятую точку рядом со сгнившим деревцем, дабы отдышаться. Осмотрев

мешок, он понял, что весь провиант намок. Через небольшие колечки вода попала в чулки, залив их до основания – теперь от его ног воняло не лучше, чем от болота.

Высушивать вещи времени не было. Клепий хотел, во что бы то ни стало отыскать хижину ведьмы до заката солнца. Местные деревья пропускали мало света даже в солнечный день, не говоря уже о сумерках. В крайнем случае, страж хотел найти себе дерево-приют и сделать все свои дела именно там.

Птицы следовали за ним. Сначала ненавязчиво, а затем и вовсе образовали коридор, они сидели и по правую, и по левую сторону от Клепия.

– Тут что-то не чисто, – пробормотал про себя путник.

Достав из сумы небольшой нож, он вырезал на небольшом дереве, которое склонилось перед ним, словно раб перед императором, небольшую линию. Дерево, переполненное влагой, тут же отреагировало на порез, выпустив через ранку ручей сока.

«Пробовать это на вкус я не стану».

Теперь Клепию казалось, что здесь ядовито все. И отчасти он был прав. Испарения от болот создавали густую, тяжелую атмосферу. Легкие, спустя несколько дней после попадания в Зловонные топи, начали болеть. По ночам у него скручивало желудок так, что приходилось спускаться в ближайший куст, несмотря на то, что питался он мало и один раз в день. Утром же появлялся насморк – забитый нос хоть как-то по-

могал совладать с этой вонью.

Никто из Обитатели не знал имя ведьмы, многие сомневались в правдоподобии легенд. Магистр сам был подвержен скепсису, поэтому страж, перед тем как исследовать Зловонные топи, решил навести справки в близлежащих деревнях.

Клепий был родом из Фикии, пусть он там и прожил всего десяток лет детства, но все же имперский менталитет метрополии был ему ближе, нежели обычаи других народностей Империи. В Кустице, он встретил некоего жреца, который именовал себя волхвом. Именно волхв первым из местных рассказал ему о ведьме.

– Да многие у нас в деревне подношения ей делают, что-нибудь отварное.

На вопрос, почему отварное, бравлянин отвечал, что ведьме то уже даже не десятый век стукнул и зубов у нее не больше, чем дубовых листьев на ели.

– Так, чтобы она могла разгрызть. Федотка вон, знахарша наша, моления ей подносила, да и смесь из жгутицы и густья, от костной боли. Говаривал я ей, на хрен сдалась твоя мазь старой ведьме, которая одним словом может превращать людей в животных?

Клепий сделал очередную зарубку. Тропы здесь были заросшие, девственные места, по влажной земле трудно было определить, живет ли тут кто. Следы на такой земле оставляются легко, но их нет.

Страж поинтересовался у волхва, где же оставляют ведь-

мины дары, на что бравлянин отвечал, что где угодно. Мол, ведьма, если захочет, то и в другой конец Зловонных болот за несколько минут прилетит. Клепий подивился их пред-
рассудкам, но вслух ничего не произнес, лишь поблагодарил волхва.

В Чешке, которая была на севере от Зловонных болот и лежала на Волчьем тракте, имперец не надеялся ничего найти, потому как поселение это стояло от болот на тридцать стадий. Тем не менее встретился там бедный крестьянин, который рассказал другие подробности.

– Шимка говорит, мол, видывала она ведьму, тут неподалеку, от ручья нашего, – рассказывал бравлянин. Девка-то она конечно глупая, но врать-то ей зачем? Как увидела ведьму, сразу бегом домой. Ну а отец ее думает, что-Шимка-то там, у ручья обжималась с милым своим.

Сделав еще одну зарубку, Клепий понял, что так ничего толком не узнал о ведьме. В других поселениях ему не сообщили ничего путного. Бравляне – народ простой и далекий от имперских обычаев и норм, но при этом они уважают стражей и чтят тех, кто стоит на их защите от страшных тварей и монстров Тьмы. Как оказалось, здесь, в округе от Зловонных болот даже не сомневаются в том, что ведьма существует.

«Может быть, народ этот суеверный и глупый, но сказки на пустом месте не возникают».

В любом случае, следовало бы проверить слова историка

Тевробия.

Судя по тому, как начало смеркаться, через одну стражу будет так темно, что хоть глаз выкалывай. Страж придумал, как решить ситуацию.

«Ведьма – нечистота и будет возмущать эфир, как и остальные твари Тьмы».

Самое время использовать Опус Теос.

В Орден Стражей принимают людей с самого раннего возраста. Орден использует своих рекрутов для поиска детей, которые могут взаимодействовать с эфиром, не как маги, через заклинания или артефакты, а напрямую. Ученые до сих пор расходятся во мнениях, касательно природы эфира и почему маленький процент людей может взаимодействовать с ним. Дети проходят различные испытания – начиная от воздействия местных артефактов Второй эпохи и заканчивая закаливанием. Некоторые будущие стражи так и не открывают в себе способностей и их попросту отправляют домой.

Клепий был талантливым учеником. У него открылись почти все доступные способности, к тому же он мог дольше всех сохранять контакт с эфиром.

Его кожа покрылась мурашками от воспоминаний. В начале обучения ему хотелось сбежать из Обители и забыть про все это. Дети психически неустойчивы, но при всем этом, они могут активнее использовать эфир, в отличие от взрослых.

Путник закрыл глаза и отстранился от этого мира. Звуки,

запахи и даже ощущения собственного тела покинули его. Он оказался там, далеко за гранью физического мира. Оболочка разрушилась, словно скорлупа куриного яйца, его выкинуло в метафизическое пространство. Страж ощущал себя сгустком энергии, неким живым шаром в огромном открытом пространстве.

Эфир – начало бытия. Именно он формирует всю видимую вселенную, даже боги возникли из первородного эфира. В нем нет течения времени в привычном для обычных людей понимании. Овладеть временными потоками практически невозможно для человека. Лишь только богам ведано, как это работает. В то же время эфир – это опасное метафизическое место, которое обволакивает известный нам мир. Изредка из него прорываются силы, что уничтожали целые цивилизации. И именно эфир стал для последователей тьмы тем оружием, откуда появились различные монстры и мутации, оскверненный эфир стал местом рождения демонов.

Клепий плыл по бесконечному потоку пространства, стараясь найти своими ментальными щупальцами окружающий мир. Внезапно, его метафизическое зрение обнаружило большое возмущение эфира.

«Нашел», – подумал он и вышел из Опус Теос.

Выход в эфир всегда пожирал у стражей много сил. Клепий тут же почувствовал слабость в теле, головокружение и небольшую тошноту. Даже многолетние тренировки не спасали от этих побочных эффектов. Главное, что страж обна-

ружил ведьму. Теперь остается сопоставить колебания эфира в метафизическом мире с реальным.

Долгие годы медитаций, плавание в океанах эфира закалили Клепия и позволили за несколько минут найти логово ведьмы. Он посмотрел в сторону густых зарослей, что находились, судя по компасу, на востоке и побрел туда неспешным шагом.

Кустарники настолько плотно прижимались друг к другу, что приходилось прорубать себе путь мечом. Колючие ветви царапали ладони, благо остальное тело было защищено от них. Здесь, под корнями кустарников было нарыто много разных нор. Птицы же продолжали наблюдать за происходящим с верхушек деревьев.

«Надо успеть к закату солнца, иначе будет совсем темно».

Сумерки опускались на Зловонные топи, словно скатерть на праздничный стол. С каждой минутой становилось все темнее и темнее, Клепий начал прокладывать себе путь с удвоенной силой, но использование Опус Теос вытянуло из него много сил. Вскоре он выбрался на небольшую поляну, наряженную в туман молочного цвета. Здесь было настолько сыро и влажно, что даже под кольчугой кожа становилось мокрой. Впереди было ведовское жилище.

Трава на поляне была мертвой, желтой, от нее дурно пахло гнилью, и чем ближе она была к хижине, тем больше превращалась в обычный компост. Теперь птицы сидели прямо у опушки поляны, своим зорким взглядом следили за каж-

дым движением Клепия. Сапоги стража уминали пожелтевшую траву прямо в почву, очевидных следов от живности не было. Шаг за шагом он приближался к своей цели, земля под ним издавала хлюпающие звуки. Туман полностью покрывал верхние слои, тем не менее Клепий смог рассмотреть, что здесь трава вовсе сгнила, но над ней не вился рой мошкары, всякое живое боялось заходить на эту территорию. С каждым шагом нога уходила по щиколотку, туман казался холодным, как кусок льда.

Наконец он добрался до жилища ведьмы. Границей между домом и остальным участком были колья в виде частого забора, на котором насажены черепа различных существ. Клепий узнал в них – медвежьи, собачьи, кошачьи, коровьи, заячьи и даже человеческие головы. Все они были обращены таким образом, чтобы глазницы смотрели на входящего. Это не устрашило стража, и он перешел границу.

Ветхая хижина была больше похожа на скромную нищую лачугу, сделанную из бревен и обложенную соломой. Во многих местах бревна были сгнившими, окон не было вовсе, солнечный свет проникал в жилище разве что благодаря щелям в доме. Фундамента как такого не было, дом буквально вкопан в землю и походил на полуземлянку, перекошенная дверь на ржавых петлях находилась по границе с землей. Жутко разило ветхостью, сыростью и запахом разложившихся трупов. Иллюзия того, что хижина была короткой, рассеялась, и Клепий увидел, что обиталище ведьмы длинной пря-

моугольной формы.

Страж подошел вплотную к лачуге. Оставалось только одно – толкнуть дверь.

«Двенадцать богов, защитите меня своей властью, молю вас Пантеон избавить меня от ужасов этой ведьмы».

Сам Клепий в глубине души понимал, что у богов на этой земле власти нет. Здесь все было пропитано искаженным эфиром, даже деревья вокруг поляны имели странные формы – мертвые, в виде закорючек с опавшей листвой. Многие из них давно иссохли и, поедаемые древесными червями, издавна больше походили на пугала, чьи ветки были руками этого мертвого существа.

Протянув руку вперед, Клепий ощутил, насколько это место было пропитано эфиром. Волосы на его руке встали дыбом, здесь было намного прохладнее, чем пару шагов назад. Возле двери, прямо над его головой нависало нечто вроде флюгера – на круглом ржавом железном конце, подвешенном к балке, крутилось из стороны в сторону под порывами смрадного ветра Двенадцатиконечное колесо, на каждой спице которого было насажено по одному черепу.

«Хуление богов перед входом в хижину».

Ведьма как бы предупреждала, что поклоняются тут не живым богам, а тем, кто сможет сделать такие гнусные вещи.

«Были бы тут жрецы Пантеона, они наверняка бы испугались».

Но не страж. Он одним движением руки толкнул дверь

вовнутрь, и заржавевшие от времени петли издали пронзительный скрежет, который заставил Клепия закрыть уши. Звук разлетелся по всей округе так же, как и те птицы, которые сидели на деревьях и наблюдали за чужеземцем.

«Они провожали меня сюда. Или следили, за тем, чтобы я не сбился с курса. Но зачем?»

Дверь медленно и со зловещим скрипом открывалась, позволяя путнику войти в хижину. Клепий был удивлен тем, что в хижине было не темно, как он думал. Внутренности лачуги находились в полумраке, будто Клепий попал во чрево кита с масляной лампой. Сделав два шага, страж оказался за порогом.

«Она уже знает, что я здесь. Знала это с самого начала».

Половицы издавали скрип не менее ужасный, чем сама дверь. Клепию казалось, что пол уходил у него из-под ног, однако эта иллюзия образовалась благодаря тому, что старые доски провисали под тяжестью воина в кольчуге. Полумрак создавали очень толстые свечи, что висели на стенах. Внутри дом казался больше, и потолок был намного выше, чем в тесных кельях обителю.

«Не так я представлял себе старую колдовскую хижину».

Пахло здесь всем подряд и вперемешку. Несмотря на забитый от сырости нос Клепий чувствовал все эти запахи – смеси дурманных трав, благовония с Семиостровия, животная кровь, протухшие туши, лук, вареная репа, экскременты, таявший воск и еще много самых разных запахов. Кое-

где пол был выстлан ветошью, на тряпье лежали самые различные вещи – конечности животных, человеческие кишки, черепа, гномьи украшения из подгорных мастерских, имперские книги, веточки священного бравлянского дерева, туши тухлых рыб и даже драконьи клыки. Все это находилось по левую сторону, по правую лежали магические предметы – астролябия, хрустальный шестигранный шар, судя по мифам позволявший отследить любого, деревянный многогранный куб, в котором могли храниться пороки человека, магическое сито, о котором Клепий слыхивал краем уха, а также различные смеси трав, стеклянные приборы для их перемешивания и большое количество других предметов. Времени, все это разглядывать, не было, страж побрел вперед, где его ждала ведьма.

Однако нигде поблизости ее не было видно. В Дальнем конце дома висела огромная ширма, которая закрывала заднюю часть лачуги полностью. Трудно было сказать, из чего сшита эта перегородка, но она была из единого полотна ярко-бордового цвета. Клепий заметил старый древний стол, ободраный со всех краев и за ним, наклонившись вперед, сидела ведьма таким образом, что оттуда торчала только голова и грудная клетка, все остальное тело было за ширмой.

У Клепия внезапно пересохло во рту. Был бы страж более трусливым, совершил бы знамение колеса на лбу, но он с вызовом двинулся в сторону ведьмы, которая выглядела... не так, как он ожидал.

Из-под ширмы торчала небольшая голова юной девушки, с глубоко впалыми глазами, под которыми располагались черные, словно души заблудшие во тьме, синяки. Несмотря на то, что лицо было детским, кожа на нем была обвисшей, словно ее в течение сотен лет цепляли крюками и вытягивали в разные стороны. Морщинистое лицо не скрывало звериного оскала, во рту у ведьмы находилось всего лишь несколько зубов, покрытые слоями налета из гнилого мяса. С головы свисали редкие волосинки, и она больше походила на репу, из которой торчали небольшие коренья. Уши словно высохли и были похожи на сухой изюм.

На ведьме совершенно не было одежды. Ее шея была похожа на спадающую ткань от платья – множество телесных складок напоминали огромные швы. Грудь была обвисшей и целиком покоилась на столе, где стоял еще один многогранный куб из неизвестного камня изумрудного цвета, над которым ведьма держала свои дряхлые дрожащие руки, больше походившие на культы скелета, обтянутого кожей.

– Тыыыыыы, – затянула ведьма своим мерзким голосом. – Посмел прийти ко мне.

Ее голос был тихим, словно звуки весенних ручьев и одновременно противным, как скрежет гвоздя об железо. Казалось, что она выдавливала из себя слова через силу, будто ее легкие давно уже превратились в ссохшийся покрытой паутиной орган.

Клепий внимательно следил за каждым телодвижением

ведьмы. С виду, она не представляла опасности, но страж понимал, что это ошибка. Ведьма не прожила бы больше тысячелетия, не будь такой могущественной. Она аккуратно перебирала своими костлявыми пальцами деревянный куб, и казалось, что была сосредоточена на этом предмете.

– Я пришел сюда за ответами, – сказал на это Клепий.

Казалось, что колдунья приложила максимум усилий, чтобы потратить их на вздох. Он получился как небольшое придыхание, но даже столь тихий, казался ужасным. Из-за отсутствия зубов, ее голос был шепелявым, но при этом от него застывала кровь в жилах.

– Я знаю, – почти шепотом произнесла ведьма. – Ты из тех, что надеются предотвратить крах мира.

После этой фразы старуха мерзко захихикала.

– Обычному смертному не нарушить того, что предначертано, – ответила ведьма и ее, казалось, уставшие от многовековой жизни глаза, уставились на стража. – Даже богам уготована своя судьба.

Клепий не верил ни единому слову ведьмы, зная о том, что поклонники Тьмы почитают ложь.

– Нити Делиона ткутся без ведома богов и уж тем более смертных, – продолжила колдунья. – Вы настолько слабы, что даже не можете отсрочить гибель сущего.

– Хватит пудрить мне мозги, старуха, – спокойным голосом произнес Клепий, вплотную подойдя к столу.

«Ветхий стол, ветхое жилище, старая женщина, которая

считается могущественной ведьмой».

Страж даже и не думал о том, сможет ли одолеть колдунью, в случае если начнется бой. Но он был готов помериться с ней силами.

– Я знаю, что ты имела дело с одной из шести печатей Дадура, – произнес страж, показательно положив свою правую руку на рукоять меча. – Скажи, где она находится?

В ответ ведьма лишь тихонько и злобно захихикала, однако Клепия это ничуть не задело, он хорошо умел контролировать себя.

– Ты опоздал, страж, – этими словами ведьма ошарашила имперца. – Тот, кого ты называл братом, в тайне молится о пришествии Скovanного в Делион и поклоняется Тьме.

Она отчеканивала своим холодным, словно едва вставший на озере лед, режущим, как клинок голосом, каждый слог, будто выплевывая слова.

Послышался звонкий металлический звук. Клепий достал из своих ножен обоюдоострый меч, на котором тотчас же заиграли блики от свечей. Острие оружия было направлено прямо в ведьмино лицо, однако та даже не шелохнулась.

– Ты лжешь, темное отродье! – проворчал Клепий, с силой сжимая эфес меча.

Единственный житель Зловонных болот старалась улыбнуться и натянуть кончики своих губ, но с ее девичьим и морщинистым лицом это больше походило на оскал. Во рту промелькнуло три гнилых зуба, и только тогда Клепий заме-

тил, что у ведьмы раздвоенный язык.

– Нити времени говорят о том, что сегодня не мой день смерти, – ответила старушка, опираясь своими тощими руками на стол, чуть-чуть привстав. – Прими то, что твой собрат – предатель. Но кто из вас дурак, решит сама судьба.

Клепий был зол от речей, которые изрыгала эта поганая нечисть. Страж понимал, что нельзя верить ни единому ее слову и возможно, она, видя то, что не переживет эту ночь, решила посеять сомнения в голове стража. Меч в руках он держал более уверенно, нежели эту мысль в голове.

Его душу терзали слова ведьмы.

«Ей не стоит верить, как и любой другой твари Тьмы».

С другой стороны, если сказанное старухой правда, то следует ожидать неприятностей. За последние годы, как говорил сам магистр, Тьма проникает повсюду – Церковь, Академия магов, Инквизиция, Сенат, Купеческие Дома, основание различных культов. Но если они проникнут в Орден Стражей, то это будет для Тьмы большим подспорьем в скорой войне.

«Кто предатель?» – эта мысль была в голове Клепия следующей, но озвучивать он ее не стал. Не стоит оголяться перед врагом.

– Кто приходил к тебе, старуха? – тихим голосом прорычал страж.

Ведьма глубоко вздохнула и, казалось, была утомлена этим разговором. Она сделала вид, что не услышала вопроса,

но, когда острие меча было уже в локте от ее хрупкой шеи, заговорила.

– Посланники Тьмы, – ответила девочка во плоти старухи. – Они тоже ищут печать.

Клепий не моргнул и глазом. Он смотрел прямо во впалые очи ведьмы, зрачки которой бегали странным образом из стороны в сторону.

– Ты опоздал, – хихикнула старуха. – Темники узнали от твоего брата о книге Тевробия.

«Так это правда», – ужаснулся про себя Клепий и его глаза чуть не выдали это.

Однако другая сторона стража старалась бороться со смутой, которую посеяла колдунья, и он не мог принять окончательного решения.

– Скажи, где находится Печать, – процедил сквозь зубы Клепий, осторожно притронувшись лезвием меча к артерии старухи. – Иначе, я сам сотку нить твоей судьбы.

Ведьма долго молчала, ее губы начали судорожно подергиваться. Страж никак не отреагировал на это. Внезапно девичий лик преобразился и сильно вытянулся. Ведьма злостно зашипела так, что у Клепия заложило уши.

Все это происходило за доли секунды. Красная ширма спала, при этом сорвав верхнюю балку, на которую она крепилась. И только тогда страж увидел, что представляет собой это существо.

Из ее дряхлой спины торчали шесть толстых паучьих ног,

покрытые тонкими волосками. Из задней части туловища виднелось острое жало, девичье старое лицо ведьмы преобразилось в уродливую гримасу, и колдунья бросилась на Клепия.

Годы оттачивания мастерства стража выработали в нем молниеносную реакцию. Он успел отскочить от внезапного удара одной из паучьих лап, которая разнесла ветхий стол буквально в щепки. Тут же последовал второй удар правой верхней лапой. Клепий, сделав перекат, обнаружил, что она промахнулась всего лишь на несколько ладоней.

Страж рывком поднялся на ноги, однако ведьма была слишком проворна. Другая лапа тут же сбила его с ног подсекающим ударом, и Клепий ударился об пол, при этом сбив дыхание.

– Ты встретишь свой конец тут, – зловещим голосом произнесла ведьма.

Ее туловище будто было подвешено в воздух, его держали две задние мохнатые лапы. Правая верхняя – занесена над стражем, чтобы пронзить его наверняка. Клепий успел одним движением выхватить из ножен меч, пустив его по инерции по дуге. Лапа, которая метила Клепию прямо в сердце обрубком полетела на пол. Горячая склизкая кровь тут же обдала лицо путника. Ведьма пронзительно закричала так страшно и душераздирающе, что стражу хотелось закрыть уши руками.

Красная ткань перегородки загорелась от одного из под-

свечников, и алое зарево осветило происходящую бойню. Смердело ужасными нечистотами – за ширмой располагалось отхожее место вместе с какими-то склянками, банками и перегонными кубами.

Завыв от боли, лапы понесли ее сначала на стену ветхого жилища, а затем и вовсе на потолок. С потолка хибары свисало странное, иссохшее тело ведьмы, которая что-то кричала на непонятном языке в приступе ярости, смешанной с болью. Из жала вылетела паутина, пригвоздившая стража к полу.

«Боги, что за мерзость».

Эта склизкая жидкость попала ему в рот, безвкусная, по своей природе противная, она пробралась в легкие и страж начал задыхаться. Он кинул свой меч на пол и руками ухватился за горло, пытаясь выдавить из себя паутину. Кажется, он начал терять сознание. Ведьма взирала на него с потолка, потирая свои дряхлые ручки.

Два пальца Клепия отправились в рот, заставив его изрыгнуть эту ужасную жидкость на пол. Ощущение свободы легких от этого отвратительного вещества, тут же сменилось ощущением тревоги. Пришла пора использовать эфир.

На это ушло чуть меньше нескольких секунд. Время в эфире течет по-другому, сложно понять, каким образом. В обычной жизни время сравнивают с потоком воды какой-нибудь из рек, но для эфира это сравнение не имеет смысла. Здесь целый океан и отследить тот же ручеек, которым

ты жил в материальном мире несколько секунд назад очень сложно, на это можно потратить очень много усилий. А чтобы найти здесь то, что произошло около стражи назад, скитаться в эфире придется вечность.

Клепий оказался здесь, в своем метафизическом состоянии, ментальность, то есть активность в этом мире съедала его физические силы в материальном. Однако он понимал, что одно неверное движение, и там, ведьма его скорее всего убьет, поэтому он решил на Магия Кронос.

Сложно описать, что происходит в эфирном пространстве. Это походит на то, что человек погружен глубоко в море, здесь ты так же чувствуешь полное одиночество и забвение. Чем дальше ты находишься в эфире, тем хуже связь с материальным миром. Отсюда можно и вовсе не выйти, заблудиться в бесчисленных пространствах. Толстый канат материального мира постепенно истончается и превращается в нитку, которая в скором времени обрывается, и человек навсегда остается здесь. Жрецы верят, что именно сюда попадают души после смерти.

Клепий был в ментальном состоянии и старался нащупывать одну из нитей, которая вела к тому моменту, когда он отрезал лапу ведьмы. Он перебирал своими сгустками каждый из возможных вариантов, интуитивно пытаясь отыскать тот самый момент. И когда нашел его, будто почувствовал тепло, разыскав один из миллиардов альтернативных версий этого события. Конечно, это ментальное тепло мало чем

сравнится с теплом материальным, но иного сравнения не подобрать.

Благодаря собственным усилиям, его выкинуло в материальный мир. Над ним нависала правая лапа колдуньи, которая тут же опустилась на него. Одно движение меча и волосатая перерубленная конечность упала на пол. Клепий вновь ощутил на себе горячую алую кровь из пульсирующего обрубка ведьмы.

«Что ж, ты сейчас побежишь. Но я тебе не дам этого сделать».

Он помнил этот момент и помнил, что должно было случиться. И этого не произошло. Страж, рывком поднялся на ноги и одним движением меча подрезал обе задние ведьмины конечности. Туша колдуньи грохнулось на пол с душераздирающим воем. Плач ведьмы был больше похож на грустную песнь, которую пытаются петь во все горло. Зачарованный клинок стража отрубил другие две конечности, а последнюю, верхнюю левую прижал своим сапогом. Ведьма извивалась под ним, что-то говоря на своем непонятном языке, однако Клепий не мог его разобрать.

– Говори, где находится печать, – произнес страж, приставив свое оружие к сморщенному горлу старухи.

Сейчас она больше походила не беспомощную столетнюю старушку, чем на могущественную колдунью. Но даже раненная ведьма опаснее, чем отлично подготовленный легионер.

– Говори, – сказал страж и еще сильнее надавил на ее оставшуюся конечность.

Ведьма завопила. Из ее культей на пол ведрами лилась алая кровь, от которой шли испарения. Ручейки стекали по ветхому старому полу, устланному соломой, попадая в щели между половицами.

– Скажу! – крикнула ведьма! – Скажу, только пощади меня!

Клепий выровнял свое дыхание, но при этом продолжал держать меч у горла старухи. Небольшое нажатие полторного меча и кожа лопнула, словно кожа переспелой виноградины, из которой начал сочиться сок. Кровь стекала по костлявой шее старухи, отрубленные конечности судорожно двигались на полу, а обрубки подергивались с фантомной болью.

– Хорошо. Скажи мне, где находится печать, и я обещаю, что пощажу тебя.

Гримаса ведьмы была страшной, она за секунду могла поменяться несколько раз в лице.

– Какой от этого прок, – произнесла она своим шипящим голосом. – Ты все равно опоздал. Слуги Тьмы пришли раньше тебя.

Клепию надоели эти игры в кошки мышки. С твердой уверенностью он нажал острием рядом с пульсирующей артерией.

– Хорошо, хорошо! – выкрикнула ведьма. Я не знаю, где печать, но я знаю, кто ее хранитель.

– Ты лжешь, старуха, – сказал страж без всякой интонации в голосе. В книге Тевробия ясно сказано, что одна из печатей находилась у тебя.

Ведьма зажала свои глаза, видимо думая о том, с чем она сегодня столкнулась. Если слуги Тьмы действительно пожаловали, то они даже не притронулись к ней. Страж подумал о том, что поступил с ней слишком жестоко. С другой стороны, кто она такая, чтобы заслуживать пощадку? Сущность, насквозь пропитанная Тьмой, искаженный эфир сочится из нее. Все же, благодаря своим умениям, страж блокировал эти негативные импульсы.

– Клянусь, у меня ее никогда не было, – начала говорить колдунья. – Тевробий не знал, о чем писал.

Казалось, что из ее глаз начали сочиться слезы. Старуха вновь обрела свой девичий лик и начала рассказывать, что происходило дальше.

«Возможно, что она врет. С другой стороны, если темники сюда приходили, ведьма могла отдать им настоящую печать. Она хочет пустить меня по ложному следу» – подумал про себя Клепий.

Хотя зачем это надо? Если печать действительно у темников, то стражам никогда не добраться в сердце Южноземья – рассадника Тьмы.

– Я была знакома с хранителем печати, – ответила ведьма и начала свой рассказ.

Глава вторая. Ноблос – жемчужина Морского Востока.

– Боги мне в свидетели, будут дуть западные ветра, через три дня мы пришвартуемся в гавани Ноблоса.

Клепию пошел на пользу свежий морской бриз. Минуло больше месяца с тех пор, как он выбрался из Зловонных болот. Как только он узнал от ведьмы, что хранитель печати ныне закован в гору Шармат, он оставил ее в живых, а сам, выбравшись из Зловонных Топей, отправился к близлежащий поселок Каштун, а оттуда в город Льнев.

Тот каменный куб изумрудного цвета, что был на столе у ведьмы переливался всеми цветами радуги. Это было нечто иное, как зеркало в прошлое и ведьма, дабы подтвердить свои слова, позволила Клепию коснуться куба. И он, словно через пелену тумана увидел человека, чье лицо было прикрыто капюшоном, стоявшего подле ведьмы и испрашивая у нее совета. Клепий видел его плащ, точно такой же, который носил, и он сам. Возможно, этот плащ был краден, или может быть старуха не врала и это на самом деле был страж предатель, брат, поправший устои их общего Ордена?

Во Льневе он не застал ни князя, никого из его приближенных, что было логично, учитывая междоусобную войну в Бравии. Регентом был боярин Цадик, дальний родственник князя Видамира и, боярин, узнав о том, что в Льнев прибыл страж, чей статус здесь почитали, тут же выполнил все пожелания Клепия. Страж в первую очередь отправился в ба-

ню, затем после сытного обеда лег на теплую и мягкую перину, провалившись в долгий сон. Проснувшись на следующее утро, Клепий попросил у Цадика точную карту Делиона, особенно восточных земель.

Карты в этом небольшом городе не оказалось, и Цадик тут же отправил гонца в столицу Бравии – Великоград за точной копией карты, здешняя библиотека была до безобразия мала. Цадик поселил Клепия в боярском придворье, и страж праздно ожидал прибытия гонца с картой, чтобы определить местоположение горы Шармат.

Клепий провел в Льневе чуть больше недели. Его физическое состояние улучшилось, он окреп телом, а питаясь нормальной пищей в виде жаренных уток, сала или горячих свекольных супов, набрал вес. Раз в день, на небольшой промежуток времени он выходил в эфир ради профилактики, так же занимался чтением местных архивов, приказов и переписок полувековой давности. Гулять по городу было бессмысленно – весь Льеув можно было обойти меньше, чем за стражу. Однако выйдя за деревянные стены поселения, он смог очистить округу от двух опасных монстров – кровососки и водяного.

Духовное состояние Клепия ни шло ни в какое сравнение с его внешней крепостью тела. Ведьма действительно посеяла сомнения в его голове, а томление в захудалом городке и вовсе убивало его, но двигаться без карты и определенного плана было бы глупо. Если темники тоже ищут печать, то на-

верняка уже на несколько шагов опережают стража. Поэтому каждый час был на счету. Гонец же пришел только на десятый день, да еще и с неполной картой.

В конце концов, Клепий решил действовать по обстоятельствам и, двинувшись на юго-восток Бравии, добрался до первого февсийского порта, там нашел первый попавшийся корабль, который отплывал на Морской Восток.

Гора Шармат располагалась далеко на востоке, там, где солнце пробуждалось первым, далеко за Эльфийским Протекторатом – враждебному Империи государству. Идти же пешком через государство эльфов страж не решил – лишь пять лет назад закончилась кровопролитная война империи с эльфами. Клепий решил добраться до Морского Востока и развитых городов-государств, отыскать там более точную карту и затем двинуться обходным путем по южной границе Протектората. Далее этой точки, Клепий планы не строил. Было естественным то, что он обдумывал мысль о предательстве одного из стражей Обители и, если ведьма не врет, то задача намного усложнялась. Теперь за печатью охотился не только Клепий, но и поборники Тьмы.

– Буду молить Ветроволосую богиню, чтобы ветра благоприятствовали нам, – ответил Клепий капитану судна.

Страж стоял на палубе корабля, опираясь на бортовое ограждение и вглядывался вдаль, туда где тонкая линия горизонта отделяла лазурное море от голубого ясного неба.

Капитану Лемису уже было далеко за пятьдесят, носил он

старые потертые кожаные брюки, порванную во многих местах рубашу, подшитую белыми нитями, а на голове он носил странный головной убор треугольной формы, который постепенно входил в моду в территориальных водах империи. Потрепанный вид, шрамы на лице и откусанная часть носа говорила о его прошлом, как о беспокойном времени. Первые два дня напролет страж проводил в каюте капитана, выпивая с ним по бутылке рома за ночь. Лемис был весьма говорливым собеседником, что ничуть не смущало молчаливого Клепия, он внимательно слушал капитана, который безо всяких проблем решил подвести стража Ордена до Ноблоса.

Лемис рассказал о том, как начинал путь моряка от простого матроса, нещадно драящего палубу днем и ночью, и заканчивая потоплением его собственного корабля – Водной Тверди. Лемис попал на корабль в шестнадцать лет, когда началась война с государством Южноземья – Орифагеном. Тогда, при abordage корабля, его в первый раз ранили в ногу, которая до сих пор ноет при смене погоды.

– Моя левая нога предсказывает погоду лучше, чем жрецы или маги, – отшучивался Лемис.

Юнга Лемис в скором времени стал навигатором для флота Детона Брулия, который проложил новый торговый путь в южную часть Заморья – колонии Морского Востока. Однако, там Лемиса захватили в плен пираты и он смог сбежать от них только спустя несколько лет. Вернувшись в Империю,

он стал боцманом при капитане Фавре на его знаменитом «Решительном». Тогда, вспоминал Лемис, началась страшная междоусобица между семейством Энтионов и Келуев, и судьба подала свою длань таким образом, что капитан Фавре оказался на нужной стороне. Война закончилась одним решающим сухопутным и морским сражением. В битвах при Лихих Водах, где ни один опытный моряк был не в силах предугадать течение, Фавре и флот Энтионов разгромил своих врагов.

– После этого жизнь меня еще побросала, – говорил капитан.

Он опустил те факты, при которых он стал контрабандистом. Почти десяток лет он работал на агентов Брулия и доставлял контрабанду минуя пошлины и налоги, пока его не настигли инквизиторы. Его хотели приговорить к смертной казни, однако богач Брулий через своих агентов сумел подкупить их и, таким образом, Лемис остался в живых.

– Вот тебе и история страж, взлета и падения, – сказал капитан, но затем пожал плечами. Впрочем, я не жалею о своей жизни, я изрядно прожил и надеюсь скончаюсь в морских водах, при каком-нибудь кораблекрушении. Я морское дитя и море должно принять меня.

– Надеюсь только не в этой экспедиции, – пошутил на этот счет Клепий.

Впрочем, капитан показался стражу славным малым. Его любила команда и сам он был опытным моряком, знал где

расположены рифы, когда грядут переменные ветра и прокладывал маршрут с учетом того, на каких островах располагаются пираты.

Утро выдалось ясным. Ни единого облачка на небе. Клепий уже успел позавтракать в который раз рыбой, на этот раз вареной. Страж не осуждал кока, так как эти морские волки привыкли есть то, что дает им море.

– Если честно страж, я не понимаю, зачем вы решили двигаться через Ноблос, – завел речь капитан Лемис. Сейчас на севере Морского Востока неспокойно.

Клепий ощетинился, как еж. Авторитета стража вполне хватала в землях Империи, или соседних королевствах, такие как Нозернхолл или Рабия. Однако, на Морском Востоке жили совершенно другие люди, с абсолютно другой культурой. Они не признавали ни Двенадцати богов и обращались с природой эфира совершенно небрежно. Война – эта всегда другие законы. Разруха, голод, фуражирные набеги. Клепий понимал, на что он идет, однако обойти стороной – значит лишиться времени, которого он итак потерял много.

– Когда вы в последний раз были в Ноблосе, капитан? – поинтересовался Клепий у Лемиса. И что там происходило?

– В Ноблосе я бывал давненько, мать его, – отвечал капитан, потирая свои грязные бакенбарды. Больше солнцееборота назад. А вот с месяц назад я вернулся в Лапир из Фибла, которые чуть южнее Ноблоса.

Клепий еще раз вдохнул свежего морского воздуха. Соло-

новатый и прохладный, он напоминал ему Обитель, которая располагалась на небольшом острове посреди моря.

– В Фибле я узнал о том, что на Морском Востоке появилась еще одна грозная сила помимо фанатиков Фахтаче и Пяти Колоний. Некто Куарья короновался, как царь Морского Востока и, Дадур их подери, без бутылки рома там не разберешься, кто с кем воюет.

Лемис рассказал о том, что Куарья был сыном убитого в прошлом консула Империи – Куарона. Он сбежал не без помощи слуг из столицы на Морской Восток. Каким образом он поднялся от сына консула до короля этих странных земель неизвестно. Помимо прочего, капитан рассказал и про сам Ноблос.

Ноблос – один из крупнейших портов на Морском Востоке, который успешно торгует благовониями, пряностями, эмирийской сталью, которая идеально подходит для легких, но прочных эмирийских доспехов, а также успешно экспортируют рабов в Империю. Город управляется Советом из сотни человек, среди которых самые богатые купцы города. Однако, как говорил сам Лемис, в городе появились опасные элементы – члены культа Фахтаче, агенты Куарья, а также странные природные явления – например дождь из рыб, или появление огромных песочных червей.

Сам Клепий не желал ни на йоту задерживаться в Ноблосе и желал, чтобы город для него стал эдаким перевалочным пунктом между Империей и горой Шармат. Он много думал

о словах ведьмы, в особенности о хранителе печати, который закован в гору. Он никогда не слыхивал о нем, что не удивительно – Шармат расположена очень далеко от Империи, к тому же доступ к горе перекрыт враждебным Эльфийским Протекторатом.

Капитан Лемис оказался прав. Ровно через три дня, ранним утром, они прибыли в Ноблос. Клепий щедро отблагодарил капитана серебряными дукатами, а сам решил двинуться в первую попавшуюся таверну – рассадник сплетен и новостей, чтобы узнать о текущих делах в городе и в целом, Морском Востоке.

– Будь осторожен страж, – почесывая свою густую бороду сказал капитан. Я морской демон и чую опасность издалека. Так вот, здесь ее полно.

Гавань Ноблоса воистину была огромной. Она превосходила по размерам множество имперских портов, но сильно уступала столице Фикий и гаваням Торгового Союза. К докам причалено множество кораблей самых различных государств – огромный флагманский корабль, судя по гербу с изображением грифона, был из Империи, так же там были пришвартованы небольшие, но вместительные гномьи суда из Высоких Пиков, даже торговые галеоны, покрытые щедрой растительностью, это были корабли амазонок. Множество судов неизвестно даже Клепию – судя по всему это были корабли из Морского Востока, Семиостровия – центра мо-

реплателей в Империи, и Южноземья, которые редко шли на контакт с иными расами.

Некоторое число торгашей располагалось прямо на пристани. Как только люди, гномы или амазонки сходили с кораблей, они тут же предлагали свои товары – еду, местные благовония для успокоения тела после дороги, морские соли, дешевые безделушки под видом антиквариата, целебные масла для потенции (которые расхватывались как горячие пирожки). Кстати, о горячих пирожках – их здесь было очень много. Клепий успел разглядеть уже целых три пекарни, из которых пахло ароматными булочками и хлебом. Запах выпечки смешивался с вонью рыбы, висевшей на сетях прямо перед портом, дерьмом, мочой и мужским потом.

Корабельные торгаши обычно не чурались нанимать для себя грузчиков – род занятий непрестижный и мало прибыльный, но ничего сложного в разгрузке корабля не было. Особенно сюда ретировались различные нищенские слои Ноблоса – бродяги, пьяницы, даже калеки умудрялись здесь заработать. После разгрузки корабля они дружно шли в ближайšie таверны и напивались до беспамятства, потратив весь заработок на выпивку, шлюх и ставки на петушиные бои.

Грузчики сновали туда-сюда, кто был пустой, а кто нагружен тюком, корзиной с товаром, или гномьими железными слитками. У них под ногами путались маленькие грязные попрошайки, выпрашивая у гостей Ноблоса хотя бы одну мо-

нетку.

– Алвай! – так почтительно обращались на Морском востоке к незнакомцу. – Подайте хотя бы один серебряник.

Клепий посмотрел на грязного сорванца, в рванных лохмотьях и дырявой обуви. Банда из таких детей рассеялась по всему порту, стараясь обобрать каждого до нитки. Клепий предусмотрительно убрал мешок с дукатами во внутреннюю часть плаща.

– Моя мама умерла, а бабушка – слепая и ходить совсем не может, – мальчишка говорил на восточном диалекте имперского наречия и Клепий хорошо понимал его. – Я ничего не кушал уже два дня, помогите мне, алвай.

Но страж хорошо знал, кто стоит за этими мальчишками. Нищие попрошайки в Ноблосе управлялись одним человеком, к которому стекались почти все богатства приезжих, решивших пожалеть этих детей.

Страж присел на одно колено и посмотрел в голубые глаза нищего мальчика.

– Дам один серебряный дукат, если скажешь, где найти хорошую таверну, – ответил Клепий.

– Так это вон, «Лев Морской», – ответил мальчик заулыбавшись. – Там дядька Сорик работает, жена его гадина, гоняет нас постоянно ведром с помоями да кипятком. А Сорик нас часто подкармливает. Что его псы не доедают, нам отдает.

– Как тебя зовут? – поинтересовался имперец у сироты,

зная, что безродные дети занимаются тут только попрошайничеством.

– Рими, – гордо ответил мальчуган. Меня так прозвал Курак, гном с торгового судна. Говорит, что я своей хитростью похож на Рими Златолюбивого.

Страж рассмеялся и погладил бродяжку по сальным выгоревшим волосам.

– Ну что, веди меня, Рими Златолюбивый.

И мальчуган повел его через узкие закоулки и центральные улицы до «Морского Льва», где Клепий решил ненадолго остановиться, чтобы пополнить припасы и расспросить местных о текущих делах.

Главная улица Ноблоса, которую местные именовали Проспектион, была широкой, здесь спокойно могли проехать четыре колесницы – средство передвижения, так популярное на Морском Востоке. Здесь сновали местные жители, о чем-то мило беседуя между собой, препирались торговцы, о стоимости товаров, ездили вольные всадники, у которых на плече был выгравирован корабль на фоне восходящего солнца. Мальчишка болтал, не умолкая ни на секунду, рассказывая о местных достопримечательностях и о тех торгашах, что дают ему на тарелку супа, или о тех злобных тетках и дядьках, у кого лучше не просить монет.

Как объяснил капитан – вольные всадники, это наемники Ноблоса, которые получали большую плату за охрану города. Но вряд ли они смогли бы выстоять против армии Куарья.

Вольные копейщики патрулировали город пешими и были хранителями порядка в городе. Они следили за сбором пошлин, пресекали бесчинства, особенно ночью возле таверн и питейных заведений, пытались рассматривать различные убийства, происходящие на улочках Ноблоса.

Клепий пошел по тому пути, по которому уверенно вел его мальчуган, знавший город как свои пять пальцев. Свернув с Проспектиона налево, в одну из более узких улочек, где располагалась кузница, Клепий и Рими пошли по прямой, пока не уперлись в развилку. Клепий увидел медную вывеску, без всяких надписей, которая, медленно скрипя петлями, покачивалась от свежего бриза. На вывеске был изображен лев с густой гривой, которая уже изрядно проржавела, выходящий из морских глубин.

Страж поблагодарил мальчика и его глаза округлись до размера монет, которых Клепий дал в благодарность бродяжке.

– Благодарю тебя Алвай, да будут хранить тебя боги! – улыбнулся мальчик. Мож свидимся еще.

Возле таверны было много народа, в особенности мужчины с голыми торсами, в которых угадывались грузчики.

– Вчера пришел корабль из Лапира, – Клепий услышал краем уха разговор одного из грузчиков – грузного, загорелого и с большим выпирающим животом. – «Гордость Февсии», капитан с рожей, которую изрядно покоцала оспа. Мы огрели этого оболтуса на десять золотых, стащили из его

трюмов бочку вина, сбросив ее в море.

– Где ж оно сейчас? – задал вопрос другой грузчик, более худощавый и курносый. Абы так и было, ты бы сейчас Метий был пьяным в кучу навоза, языка бы не ворочал.

– Так мы ж ее не выловили еще, – пожал плечами грузный мужчина.

Подле таверны стояли другие менее подозрительные личности. Худой малолетка, чье лицо было обильно покрыто прыщами, и лыка не мог воротить. Он поддерживал низкорослого лысого мужчину, который срыгивал остатки алкоголя из своего желудка. Тут же стояли две бочки с водой, если кому надо было умыться.

Клепий, проходя мимо грузчиков, одним лишь своим видом заставил их обратить на себя внимание, и они тут же начали перешептываться между собой. Страж, благодаря своему неестественному слуху смог расслышать пару фраз.

– Ставлю свою задницу на то, что Стосовет нанял его, чтобы захреначить этого ублюдка «Крысиного короля», – сказал третий, до сего момента не принимавший участия в разговоре.

– Хрен там, – парировал крепко сложенный грузчик. – Ставлю твою задницу на то, что Стосовет решил прикрыть этих ублюдков, которые завербовали мою сестру. Культисты, как гнойник на роже Ноблоса.

Клепий слегка удивился тому, что люди узнали в нем стража.

«А возможно и простого наемника», – ведь в Ноблосе оружие в открытую так обычно не носили.

Страж толкнул дверь, и та со скрипом отворилась, представив перед Клепием картину таверны.

Двухэтажное здание, построенное из сланца и кирпича, продувалось сквозняком через створки открытых оконных рам. Присутствующие разные запахи – жаренное мясо, хмельное пиво, сделанное на финиках, отварная капуста, потные тела местных жителей, жженный свечной воск, стойкая вонь перегара – все это смешивалось с какофонией различных звуков – голоса матросов, смех грузчиков, ворчание местных стариков, обсуждающих поднятие пошлин и местные проблемы, зазывания местных шлюх, карканье ворона, сидевшего на плече у одного из матросов.

Внешний вид Клепия всегда производил впечатление на обычных людей. Ситуация в таверне не стала исключением.

– Эй, смотри, – втихушку тыкал пальцем пьяный матрос. – У него меч и сам он с материка видимо.

Глаза местных пожирали Клепия, но никто не встретился в открытую со взглядом стража. Один лишь только хозяин таверны, стоявший за своим деревянным прилавком, улыбнулся Клепию и поприветствовал его на чистом имперском диалекте.

– Слава Империи! – трактирщик своей наружностью хоть и был загорелым, носившим восточные одежды, но внешность у него была явно имперской.

– Построенной на крови предков, амикус, – ответил страж, подойдя к стойке.

Было видно, каким хищническим взглядом хозяин трактира рассматривает Клепия.

«Я на этом постоялом дворе в роли животного в фикийском амфитеатре».

Трактирщик своим телосложением более походил на кузнеца, нежели на того, кто содержит постоялый двор – широкая грудь, едва прикрытая узкой восточной тогой, огромные ладони циклопа, неухоженная кучерявая борода и толстый живот, который можно было бы положить на прилавок, будь он чуть пониже.

– Амикус, как прошло твое плавание? – по-отечески обратился хозяин таверны к стражу, наверняка осознавая кем является этот человек.

Клепий был слегка удивлен теплым приемом трактирщика.

– Боги послали мне попутный ветер, чтобы я посетил ваш чудный город, – доброжелательно ответил Клепий.

Трактирщик расхохотался, держась за свой огромный живот.

– Меришка, – выкрикнул он куда-то в сторону крытой занавесью кухни. Тут гость из дальних рубежей. А ну быстро подай ему пиво из закрытого бочонка и жаркое.

Из занавеси показалась милое девичье личико – девочка внешне была похожа на своего отца – такие же густые брови

и большой широкий лоб.

– Сейчас папа, – ответила она и тут же скрылась за грязными, замасленными занавесками.

Не все столы были заняты, однако Клепий решил постоять у стойки и перекинуться парой слов с трактирщиком. Трактирщики те из людей, которые походят на мтырей, сборщиков налогов, только вместо денег у них слухи, а вместо мтарской сумки – голова, полная информации.

– Ну ты и насмешил меня, страж, – открыто улыбнулся трактирщик. – Да, Ноблос с виду действительно чудный, как ты и сказал. Я тоже так думал еще с пяток лет назад, когда решил сюда перебраться. Но внутри, он словно труп, кишаший червями и паразитами и, поверь мне, недолго то время, когда тело это окончательно сгниет.

Тут же из-за занавеси появилась та небольшая девчушка, неся в своих руках большой бокал с пенистым пивом.

– Мама говорит, жаркое будет готово через несколько минут, – сказала девочка и сделал поклон перед отцом.

– Хорошо Меришка, – ответил трактирщик, передавая бокал стражу. Скажи маме, пусть готовит быстрее, иначе останется сегодня ночью без пряников!

Страж, который утомился из-за столь жаркой погоды в Ноблосе, тут же пригубил финикового пива. Пена осталась у него на усах, сама же прохладная жидкость спешно посетила его желудок. Мягкий бархатный вкус пива ненадолго утолил жажду Клепия.

– Ну ты страж далековато забрел от имперских берегов, – сказал трактирщик, оглядывая свою таверну внимательным взглядом. – Я Сорик, здешний глава этих мест.

Сорик обвел руками по обе стороны таверны и сделал небольшой насмешливый поклон.

Судя по телосложению и тому оружию, что висело на стене, пьяные матросы и портовые рабочие редко устраивали здесь драки. На больших толстых гвоздях висел искусно сделанный арбалет с нитевой из грифоньевого волоса. Два гладиуса покоились в ножнах и так же были выставлены на виду.

«Возможно, что этот человек даже бывший легионер».

– Орден никогда не посылает стражей туда, где не служили бы прислужники Тьмы, – начал было говорить страж. – Меня сюда привело одно дело.

Казалось, физиономия Сорика застыла в одной гримасе, и он внимательно оглядел тех, кто находился в его здании.

– Тот, что был до тебя, говорил так же, – ответил трактирщик заинтересованному Клепию.

– Тот, что был до меня? – Клепий не выдал в своей интонации удивления.

Сорик кивнул головой.

– Страж, – ответил он. Велисарием именовал себя, как того знаменитого имперца.

Клепий еще раз глотнул свежего пива, томившегося в погребке «Морского Льва», и почесал в недоумении свою голову.

«Не помню ни единого стража с этим именем. Если это и был член Обители, то явно назвался он не так, как его нарекли родные».

– Где он сейчас? – тут же задал вопрос Клепий, решивший ковать, пока горячо.

Сорик облокотился своими огромными, словно валуны с гномьих гор, кулаками на стол и ответил страннику.

– Поет гимны богам в Фиолхарде, – ответил трактирщик с серьезным выражением лица. – Хотя я сомневаюсь, что боги будут довольствоваться чествованием самоубийцы.

Пиво чуть было не застряло в горле Клепия. Страж – самоубийца? Тренированный воин-монах, клявшийся всю жизнь преследовать сторонников Тьмы решил свести счеты с жизнью? Еще и забравшись так далеко от Обители.

«Видят боги, тут запутан целый клубок, который я должен буду распутать».

– Он повесился, – ответил Сорик пожимая плечами. Хотя, по слухам, он что-то не поделил со Стосоветом, и его убийство инсценировали. Политика будет похуже дерьма, и я стараюсь лишний раз туда не лезть.

– Или был повешан, – попробовал эти слова у себя на устах Страж. Не угодил Стосовету?

– Факт остается фактом, его нашли повешенным на стропилах здешнего маяка, который указывает путь мореплавателям. Стосовет – местная элита, что-то вроде имперского сената, куда выходят большей части торгоши, с набитыми

карманами, нежели аристократы. Может лез не в свои дела, а может Стосовет подумал, что он соглядатай Куарья, хрен его знает.

Сорик пожал плечом, продолжая натирать до блеска деревянную поверхность стойки.

Имперский путник понимал, что дело тут такое же, как фикийская канализация – нечистое и пахнет дерьмом.

«Это не просто совпадение, что я оказался за тридевять земель там же, где повесился еще один страж».

В ордене, из-за строгой дисциплины, а также тяжелых испытаний, редко число членов Обители превышало пятидесяти человек, поэтому Клепий знал их всех лично. Но никого, под именем Велисария он попросту не знал.

– Он заходил к тебе в таверну? – поинтересовался страж.

– Еще бы, – сложил руки на груди Сорик. Ведь у меня самая славная таверна, среди этих всех ветхих харчевен в округе. Я никогда доселе не видывал стражей, но его узнал так же, как и тебя – по вашему плащу. А позже, разглядел ваш знаковый амулет.

Клепий машинально потянулся к своему амулету под кольчугой и, нащупав его, успокоился.

– Он не говорил, чего хотел? – поинтересовался Клепий.

– Спрашивал у меня о том, что творится в городе, – утвердительно кивал головой Сорик. Спрашивал о том, где находится Ноблосская библиотека. Все лепетал о какой-то горе. Шар... Шарган? Шаргат?

– Шармат.

– Точно, – ответил Сорик.

«Вот оно», – подумал Клепий. – «Значит, все это неспроста».

– Когда он был здесь? – спросил страж.

– Две недели назад, когда еще дули западные ветра. А с полторы недели нашли его повешенным.

Клепий понимал, что дело тут нечисто. Видимо, ему придется задержаться в Ноблосе дольше, чем он планировал.

– Он ушел после тебя в библиотеку? – поинтересовался страж.

– Да, – кивнул Сорик. – Правда, клянусь Двенадцатью, не знаю, нашел ли он то, что искал. Но на ночь у меня не остался.

Страж еще раз сделал глоток пива и поблагодарил трактирщика. Первым делом он, как хотел еще до таверны, решил отправиться в библиотеку, чтобы разузнать о горе Шармат и о Велисарии. Пусть благоприятствуют боги, чтобы Клепий нашел информацию и сразу же двинулся к горе. Однако, Велисарий задержался в городе неспроста и вряд ли он узнал о мифической вершине, где живет хранитель печати. Если Клепий ничего не найдет в библиотеке, то нужно будет осмотреть место самоубийства.

Вскоре, чудная дочурка принесла своему отцу жаркое, от которого аппетитно пахло. Желудок Клепия тут же отреагировал на столь ароматное блюдо и непроизвольно выдал па-

ру звуков.

– Усаживайся за любой свободный стол, – сказал трактирщик, подавая страннику блюдо. – Знай, если ты захочешь переночевать, я дам тебе лучшую комнату. Сегодня в плавание отбывает амикус Фелий с Семиостровия, посему там можешь расположиться ты.

– Почтенно благодарю тебя, Сорик, – кивнул головой страж, схватив в одну руку тарелку, а в другую полупустой бокал с пивом, на стенках которого до сих пор оставалась пена. – Пусть снизойдет на тебя милость Двенадцати богов.

– Приходи вечером, я дам тебе комнату, – улыбнулся Сорик. – Я соскучился по своим. Потолкуем хоть с тобой за чашами лучшего вина в округе.

Страж благодарно кивнул и отправился, под сопровождением любопытных взоров, за первый попавшийся свободный стол, который соседствовал с моряками. Они уже изрядно подвыпили, играли между собой в морские треугольники – интересную настольную игру, правила которой Клепий до сих пор не мог выучить. Капитан Лемис пытался его научить, но страж безнадежно проигрывал старому морскому волку в каждой партии. Один моряк смеялся над очередным ходом тощего паренька, судя по всему новоявленному юнге, другой, который играл с ним, крепко сжимал груди одной из шлюх. За следующим столом сидели грузчики – трое людей и один гном – пели непристойные песни.

– Одну бутылку рома нашему капитану! – завывали груз-

чики, в обнимку сидевшие друг с другом.

– Две бутылки рома команде нашей славной! – продолжил один из них, в котором Клепий узнал того, что стоял вне таверны.

– Три бутылки рома за морского бога Кельфа! – закричали все четверо.

– Четыре бутылки рома в задницу тупого эльфа! – закончилась песенка под веселый хохот грузчиков, судя по всему, являвшихся бывшими моряками.

Клепий в этот момент приступил к пище, жаркое было щедро посыпано различными острыми специями. В этот момент, страж осматривал двухэтажную таверну. Судя по всему, комнаты для странников располагались именно на втором этаже, который являлся пристройкой основному зданию. На стенах висели старые шелковые восточные ковры, с различными интересными узорами – на первом красные треугольники находились в желтых кругах, а те в свою очередь располагались в синих квадратах. На другом ковре была вышита реальная картина и Клепия передернуло от нее.

– О, боги, – вслух произнес Клепий, рассматривая ковер.

На нем изображался один человек на мосту, в старых имперских доспехах «лорика сегмента», который сражался с бесчисленным количеством бравлян.

Клепий прекрасно разобрался в истории Империи и вспомнил, что Сорик так же знал этот факт и даже упомянул его.

– Имперский легионер из разведывательного отряда удерживает мост от бравлян, ожидая подхода имперских легионов, – произнес страж, почесывая свой подбородок. – И звали его... Велисарий.

Упомянутый ранее страж, назвался именем воина из легенд, благодаря ковру.

«Интересно, если это был действительно страж, то он даже не удосужился придумать свою легенду и имя заранее. Почему?»

Прикончив остатки обеда и до дна осушив бокал с финиковым пивом, Клепий решил не растягивать свое пребывание в Ноблосе и, узнав от местных, где библиотека, тут же отправился туда.

Глава третья. По следам мертвого стража.

7 число Месяца Листопада

Вольный город Ноблос. Морской Восток

Клепий не сомневался в том, что Велисарий отправился в Ноблос неслучайным образом. Не сомневался он и в том, что этот Велисарий и страж, что посещал ведьму в Зловонных топях – одно лицо. Библиотека Ноблоса с недавних пор стала самой большой и богатой библиотекой Морского Востока и, наверняка, страж старался отыскать в старых архивных документах любое упоминание о горе Шармат. Интересно, не потому ли он и вступил в конфликт со Стосоветом, может быть эта причина его убийства? А может это было и не убийство, а обычный суицид, хотя с каких пор стражи прерыва-

ют свою жизнь собственными руками? Да и с чего Клепий так уверен, что этот человек был стражем, а не маскировался под него?

Здесьние жители не слыхивали о такой горе, более интересовавшись политической жизнью и не спроста. Политическая обстановка на Морском Востоке накалилась до предела – Вольные города до сих пор придерживаются нейтралитета, пока Куарья воюет с Пятью Колониями – грозной силой в здешней ойкумене, везде бесчинствуют фанатики культа Фахтаче. И Куарья и Пять Колоний желают заполучить себе в союз в первую очередь Ноблос – самый крупный порт на Морском Востоке при этом, городские стены охраняются пусть и храбрыми, но малочисленными воинами, к тому же вольными наемниками. Своей армии у Ноблоса нет, посему, он для двух враждебных фракций представляется лакомым куском, который стоит на столе и ждет, пока его сожрут. В любом случае, рано или поздно, перед жителями Ноблоса встанет вопрос, на чью сторону встать, иначе город ждет завоевание.

Так почему же библиотека стала столь великой лишь в недавнем времени? Это было напрямую связано с тем, чем промышлял король Куарья. Город Месабад – культурная столица всего Морского Востока, которая по своей численности вряд ли уступает имперской столице Фикии. В то время, как Куарья был на подступах с многочисленной и разношерстной армией у Месабада, правящая элита не нашла ничего лучше,

чем сбежать из города, при этом вывозились телегами золото, книги, достопримечательности. Куарья же зайдя в наполовину опустевший город сделал его столицей своего королевства. Элита Месабада рассредоточилась по всему Морскому Востоку, большей частью во враждебных для Куарья Пяти Колониях, но некоторые поселились и здесь в Ноблосе, который чужд к каким-либо ветрам перемен в плане правящих кланов.

Клепий решил после посещения библиотеки зайти на один из базаров Ноблоса и подобрать себе одежду попроще. Здесь у стража нет авторитета и будет лучше, если он сольется с толпой и будет орудовать своим словом и кинжалом, нежели мечом, который у всех на виду.

«Главное, чтобы не было поздно. Хотя, здесь столько разных лиц, что мое, ничем не примечательное, мало кому запомнится».

Страж шел по Проспектуму, разглядывая дома, расположенные на центральной улице. В основном здесь были торговые и промышленные постройки, в особенности кузницы. Более всего тканых мастерских, где делали прекрасные одежды для мужчин и платья для женщин, так же жилых домов было не мало, где жили не такие уж зажиточные купцы. Богачи жили в отдельном районе, который располагался на холме у северо-востока, где находилась еще одна гавань, но более спокойная. Проспектум был для них слишком шумным и загрязненным, с чем Клепий не мог не согласиться.

Здесь было столько лошадиного и верблюжьего навоза, которого хватило бы для удобрения нескольких гектаров почвы. Мощеная крупными камнями дорога была буквально усеяна дерьмом, через каждый десяток шагов здесь встречались экскременты и Клепий даже решил поразвлечься и сыграть в игру.

«А чье это может быть дерьмо?».

Поначалу ему попадалось только лошадиное. Но углубившись в Проспектум, можно было встретить отходы кастрированных волов, мулов, верблюдов, тягловых быков и еще одних причудливых животных костоперов. Местные даже не замечали загаженности улицы, для них это было нормой. Помимо прочего здесь было много мусора, который люди не стеснялись бросать прямо на дорогу. В этом плане варвары Империи были намного чище, нежели жители Морского Востока, помои выливались прямо из окон домов, в переулках просто жутко воняло мочой и, не мудрено, что здесь так часто свирепствовали болезни. В городе была канализация, где, судя по слухам, проживал некий «Крысиный король», глава местной группировки. Клепий был удивлен тем, как может человек проживать в столь зловонном месте. Однако вспомнив его приключения на Зловонных Топях, он понял, что прожить так можно, потому как привыкаешь ко всему.

Жизнь действительно кипела на Проспектионе, где было полно всяких личностей – торговцы, местные жители, спе-

шащие по своим делам, либо прогуливающиеся и беседующие между собой, а также крестьяне, чьи повозки с сеном были запряжены волами. Через некоторое время Клепий добрался до здания, которое располагалось чуть поодаль от Проспектиона. К библиотеке вело два входа, дорога шла через своеобразный парк, в котором росли чудесные деревья Морского Востока – кипарис, папоротник, пальма, бахтачер, иллизим, а в глубине располагались древние и могучие секвойи, которым было не по одной сотне лет. Библиотека состояла из целого комплекса зданий, Клепий не мог сосчитать сколько их тут, но явно больше трех.

Клепий, на пути в библиотеку, не мог не пройти мимо цеховых кузниц – целого квартала по производству знаменитых эмирийских доспехов, откуда доносились многочисленные шумы работающих молотков, и стук наковален.»

Свернув на узкую улочку, которая так же была вымощена, но в этот раз белым кирпичом, страж направился к комплексу. Удивительные деревья создавали на тропе одну сплошную тень, позволяя передохнуть уставшему путнику от нещадно палящего солнца. Ветви кипариса клонились в сторону стража, приветствуя его своей зеленой листвой, на которой красочно играли солнечные блики. Дойдя до развилки, перед Клепием предстал высокий мраморный фонтан, на котором была высечена фигура гарпии.

Пройдя дальше, Клепий наконец добрался до комплекса зданий. В центре располагалась широкая площадка, где сто-

или различные каменные статуи, никого из этих статуй страж не узнал, судя по всему они являлись местными героями. На этой площади располагались два больших фонтана с акведуками, вода текла прямо в одно из зданий библиотеки.

Народу здесь было немного, но все же можно было найти и детей, и стариков. Дети располагались в небольшом каменном двухэтажном здании, мимо которого как раз проходил Клепий. Каменные колонны поддерживали крытый навес, защищавший детей от солнца. Они восседали на подушках и внимательно слушали своего наставника, говорившего на явном восточном наречии.

Это строение являлось лекториумом, где проводились занятия для тех людей, кто желал прослушать лекции по грамматике, астрономии, геометрии или истории. Второе строение было одноэтажным. Окруженное кустистыми деревьями, это прямоугольное вытянутое здание предназначалось для писцов, которые переписывали древние сохранившиеся манускрипты или переводили с других языков труды на восточный диалект. Третье было прямоугольным, с множеством небольших башен. На каждой из которых сидели гарпии, зорко наблюдающие за всяким, пришедшим в библиотеку. Его предназначение для Клепия не совсем было ясно, скорей всего в нем жили сами работники.

Сама же библиотека была намного больше по площади любого другого здания.

Стражу было до ужаса жарко, он пожалел, что не сменил

свои доспехи на более подходящие одежды. Клепию казалось, что он был дураком, среди расхаживающих в просторных тогах и продуваемых платьях людей. Он подобрался к одному из фонтанов, вода которого оказалась прохладной и чистой. Сверху на него взирал каменный человек, гладковыбритый, с небольшим животом и набедренной повязкой. Скульптор искусно воссоздал личность первого основателя библиотеки – купца Калехара. Набрав в ладони воды, Клепий выпил и заодно умыл свое пропотевшее под солнцепек лицом, после чего направился к самой библиотеке.

Большое прямоугольное здание стояло на каменном постаменте, возвышаясь над всяким, кто входил в него. К главному входу вели тринадцать ступеней, которые Клепий одолел без труда, оказавшись под каменным козырьком с удивительно красивой резьбой.

«Здесь живет премудрость богов, ибо знание – делает из человека бога, а незнание творит из бога дурака», – прочитал про себя Клепий надпись, которая была выбита в каменной плите, расположившейся над широким входом.

Войдя внутрь, Клепий понял, что эта библиотека по размерам сильно уступала имперским, однако он верил, что в ней наличествуют те книги, которых в Империи нигде не сыскать. Здание было двухэтажным – на второй этаж вели полукольевые мраморные лестницы с толстыми перилами. Повсюду стояли стеллажи, на которых находились различ-

ные свитки, манускрипты, письма, древние книги, даже какие-то непонятные предметы, вроде бронзового скарабея. В центре первого этажа стояла статуя одного из морсково-восточных богов, перед ней воскуривался фимиам и на коленях стояли люди. Второй же этаж был читальным залом, где за кедровыми столами сидели те, кто пришел сюда за знаниями предков.

– Эй, друг, – обратился Клепий к одному из мимо проходящих мужчин на древнем наречии.

Казалось, что незнакомец немного испугался грозного вида стража, тощий человек остановился и губы его затряслись.

– Не подскажешь, где мне найти главного либрариума? – задал вопрос страж.

– О, алвай, – отвечал незнакомец, поглядывая на меч стража. – Там.

Он тыкнул пальцем куда-то вверх, и Клепий начал подъем по мраморной лестнице. Большое количество открытых окон делали второй этаж наиболее освещаемым помещением по всем комплексу, свет проникал во все уголки библиотеки. Клепий вновь поинтересовался, где ему найти либрариума и ему указали на худощавого старика, одиноко сидевшего за одним из столов. Он был одет в одну лишь тогу – длинные седые волосы спадали на его правое оголенное плечо, короткостриженная борода была белее снега Сьердии, а впалые глаза и острые скулы, вкуче с густыми бровями придавали старику грозный вид. Однако, все его движения были

плавными и аккуратными, голубые глаза не метались из стороны в сторону, а плавно просматривали рукописи, лежащие на столе.

– Алвай, – страж сделал уважительный поклон.

Старик, сидевший за резным, крепко сколоченным кедровым столом поднял глаза, оторвав свой взгляд от папирусов и свертков, усыпавших стол. Ему хватило нескольких секунд, чтобы разглядеть новоприбывшего гостя.

– Амикус, – ответил либриариум практически на чистом имперском диалекте. Добро пожаловать, в библиотеку Ноблоса страж.

Теперь то, что в Клепии признавали стража, его ничуть не удивляло. Старик явно был начитанным человеком и отличить стража от рыцаря, наемника, легата или всадника ему не составляло труда.

Клепий погладил свою уже прораставшую щетину, осматривая великолепное убранство библиотеки. Все столы, как на подбор – новые из кедрового или кипарисового дерева, отлично налакированные, с закругленными углами. Столы попроще были без ящичков, более массивные имели при себе комод для письменных принадлежностей, хотя эта часть комплекса предназначалась именно для чтения. Стены помещения облицованы кварцем и бронзой, которые в сочетании между собой придавали библиотеке роскошный вид. Из бронзы были сделаны выпуклые в стенах головы – лики взирали на читающих осуждающим взглядом. Обычного чело-

века выражения выплавленных из бронзы лиц должны пугать. Перила были резными, как и контуры стен, а окна отличались прекрасной отделкой – края оконных рам, без стекла, что непривычно для имперца, были аккуратны замазаны глиной и покрашены в лазурный цвет, который подчеркивал ясное голубое небо над Ноблосом.

– Это здание поражает меня своей красотой, алвай. – хотел завязать разговор страж. – Воистину, эта библиотека – бриллиант в короне Ноблоса.

Старик хихикнул.

– Страж, будем честны, эта библиотека не сравнится с вашей фикийской, или магической библиотекой Дунхолла, – ответил на это либрариум. – Но мы бережем свои труды и нам важны не красоты этого здания, которое будет разрушено либо по пришествию землетрясений, либо обратится в пепел после завоеваний, но красота ума, здесь можно наточить свой ум и будет он острым, как твой меч. Меня зовут Аблат.

Клепий отметил красивый поэтический язык либрариума, который схож с риторикой февсийских философов. Стражу на момент показалось, что старик не один год провел в пределах Империи, что вполне вероятно.

– Я Клепий, алвай, – путник потянул руку старику и тот с удовольствием пожал ее. – Как ты уже понял, страж Ордена Света, несущий гибель для Тьмы.

Старик медленно потянулся из-за стола, опершись на него ладонями и встав на ноги, взял в руки трость, которая стояла

подле него.

– Я знаю зачем ты пришел страж, – ответил Аблат, положив ладонь на левое плечо стража.

Похоже старику было горячо от прикосновения нагретых на солнце доспехов, но он ничем не выдал этого.

– Боюсь, что здесь этой информации нет, – покачал головой Аблат.

«Проклятье Дадур! Не хотелось бы волею богов отягощать свой путь».

– До тебя сюда уже приходил страж, – продолжил старик и указал ладонью вперед, предлагая Клепию проследовать за ним. – Кажется, звали его, Велисарий. Как того имперца, что удерживал мост от тысячи варваров.

Клепий не понимал, куда его хочет отвести старик. Либо подальше от этих стен, что явно имели уши, либо попросту показать ему что-то. Страж беспрекословно подчинился Аблату и последовал за ним. Но могло ли быть так, что библиотекарю не желал держать стража в стенах библиотеки?

– Ты ищешь ответ, на тот же вопрос, что и он? – с ноткой неуверенности задал вопрос библиотекарю.

– Да, алвай, – ответил страж.

– Пойдем, выйдем на улицу, освежимся в местном парке. Люблю кипарисы. Они быстро вырастают и медленно старятся. Поэтому, я бы хотел быть кипарисом.

Клепий взял под руку Аблата, и они начали спуск по каменной лестнице. Страж был прав, библиотекарю хотел изба-

виться от лишних ушей и решил вывести путника в библиотечные сады.

– Вам известно, что случилось с Велисарием? – решил разбавить разговором затянувшееся молчание страж.

Старик медленно утвердительно кивнул головой и обратил внимание на статую посередине фонтана. Калехар по-прежнему стоял в центре площади, мраморная статуя зорким взглядом следила за тем, чем занимаются в библиотеке.

– Калехар был мечтателем, – заговорил Аблат. – Хотел собрать для своего города ценные знания и передать их потомкам. Знания не прерогатива одним лишь божеств. Люди тоже должны владеть ими.

Старик внимательно посмотрел на стража и их взгляды встретились. Казалось, что Аблат юлит.

– Так говорят люди, – продолжил старик. – А возможно, что Калехар сделал библиотеку, чтобы там обучались письму дети здешних купцов и щедро оставляли золотые монеты в его кошельке.

Он пожал плечами. Клепий не понимал, к чему клонит старик.

– Правда, под пеленой времени, становится менее примечательной и обретает более затуманенный вид, – продолжил говорить Аблат. – А человек, видящий в тумане очертания дерева, додумывает, что это опасный монстр, а ветви его, ничто иное, как огромные костлявые руки чудовища. Чем дальше ты от дерева, тем более фантазмагоричная картина выхо-

дит. Победители пишут историю, страж, а что если четыре века назад победила Тьма, кто-бы тогда сейчас для тебя казался плохим, а кто хорошим?

В скором времени они добрались до парка, где находились каменные скамьи. Аблат предложил сесть путнику на одну из таких, которая располагалась под густо заросшим кипарисом. Скамья была искусно вырезана из камня, на ее спинке красовались миниатюрные фигуры каких-то ближневосточных существ. Клепий увидел в них гарпий, ползунов, гигантских песчаных червей, авакул, джинов. Каждая из фигур была в действии – солдат поражал гарпию копьем, червь будто выпрыгивал из песка, пытаясь сожрать очередную жертву, авакул покоился в недрах морсковосточных гор, джин же сражался один против десятков воинов. Клепию понравилось с каким вниманием и любовью к деталям подходили местные архитекторы к своему делу.

Страж снова обратился к прежнему разговору.

– Хотите сказать, что горы Шармат не существует?

– Не могу этого утверждать, – пожал плечами старик.

«Он не хочет прямо отвечать на мои вопросы. Не доверяет мне».

Подувший ветерок слегка освежил Клепия. Ему хотелось быстрее снять с себя доспехи и перевоплотиться в рядового гражданина Ноблоса.

– В наших преданиях, имперец, есть упоминание о далекой горе на востоке, которая называется Шаремат, – сказал

Аблат. – Об этом сообщают много авторов и от народа ходит молва, я не могу сказать, где находится эта гора, хотя могу рассказать, что с ней связано.

«Уже что-то».

– Погодите, – прервал либраниума страж. – Велисарий сказал, зачем ищет эту гору?

Старик ответил отрицательно и начал свой рассказ.

– На Морском Востоке высоко почитают богиню, которая в имперской религии известна, как Огниво – богиня огня, огненной стихии и очага. Как вы ее именуете? Жена? Охранительница очага. Восточные люди называет ее Фахтаче и тесно связывают ее с поклонением огню и огненной стихии. Тебе ведь известно, страж, что есть в наших краях, особенно пустынях, странное растение, именуемое мохиром. Мохир – это высокий кустарник, ростом чуть выше среднего человека и растет он всегда одиноким. Это наименьшая из его странностей. Когда мохир цветет, его бутоны не распускаются, совсем нет. Они начинают возгораться как свечи и через несколько часов куст превращается в горящий очаг. Мохир горит несколько часов неопалимым огнем, когда же огонь стихает, куст не поврежденный пламенем начинает умирать – бутоны опадают на землю, стебли становятся вялыми и сжатыми, в конце концов он умирает навсегда. Мохир часто связывают с богиней Фахтаче напрямую, говорят, что она действует через это растение на наш мир. Издревле в наших землях прижился культ этой богини, который в последнее

время стал весомой силой на Морском Востоке.

Прости, за длинное предисловие, но я должен был сказать про Фахтаче, ведь она напрямую связана с горой Шаремат. Не знаю, как в имперском Пантеоне, но в Восточных верованиях Фахтаче является самой красивой богиней и вряд ли, кто может затмить из других существ ее красоту. Если захочешь прочитать этот миф полностью, я дам тебе рукопись. Вкратце – появилась неписанная красавица на Востоке, настолько она была красивой, что приезжали к ней цари со всех земель, говорят, что даже император ваш просил ее сердца. Фахтаче не могла не заметить эту красавицу и внимательно следила за ней. Однако эта красавица, которую звали Месида, была влюблена в своего друга детства. Месида отвергала всех царей, королей, императора, даже эльфийского Мудрого. Когда она и Гесиор родились, их положили на один из камней, который раскололся под неведомой силой. Судьба говорила о том, что им не суждено быть вместе, однако они решили сделать из этого камня две круглые печати и носить их на груди до смерти. Но влюбился в Месиду сам бог Фарей – муж богини Фахтаче. И вспылала в ревности богиня, подобно самому обычному человеку. И решила увести мужа Месиды – Гесиора к себе. Фахтаче знала, насколько был честолюбивым Гесиор, потому приняла облик Месиды, только лишь для него. Когда Месида застала Гесиора и Фахтаче в одной постели, то вышла она в пустыню, дожидаясь, чтобы поглотил ее песчаный червь. Гесиор был вне себя

от горя. Фахтаче отомстила Месиде, своему мужу Фарею, а сама влюбилась в Гесиора. Однако, он отверг ее любовь, на что богиня незамедлительно отреагировала – бедный Гесиор был закован в гору Шаремат навечно. Таков сказ, точнее, один из вариантов сказаний. Правда эта остается до сих пор, лишь уже занесена песками лжи и недомолвок?

Старик умолк, а Клепий глубоко выдохнул. Красивое сказание, истина которого облачена в одежду мифов и легенд. Сама история была намного прозаичнее. Однако страж думал, что из этой легенды стоило бы вынести для себя. Возможно необходимо прочитать первоисточник. Однако, Клепий понимал, что все эти атрибуты Морского Востока – песочные черви, мохир, богиня Фахтаче, как-то связано воедино.

– Спасибо вам библиотекарю за предоставленный рассказ, – произнес страж, вставая со скамьи. – Значит Велисарий не сказал вам, зачем ему понадобилась информация о горе?

– Нет, – покачал головой библиотекарь. – Думаю, это как-то тесно связано с культом Фахтаче, чье влияние на Ноблос, так хочет повисить Стосовет. Стосовету нужен козел отпущения и они нашли его в виде огнепоклонников.

Слова старика прогремели словно гром среди ясного неба. Возможно культисты причастны к убийству названного стража, однако вопросов было по-прежнему намного больше, чем ответов. Культисты хотят найти одну из печатей? Они союзники Тьмы? Был ли Велисарий союзником Тьмы? Были

ли культисты союзниками Велисария? Кто убил стража? Зачем культисты ищут Шармат? Может быть они ищут Гесиора? Но зачем?

– Как вы думаете, алвай Аблат, могут ли быть причастны огнепоклонники или Стосовет к гибели Велисария?

Либрариум посмотрел на перстень, надетый на указательный палец правой руки. На нем изображалось небольшой прикрытый глаз, Клепий мог поклясться, что где-то видел этот символ.

– Гибели? – улыбнулся библиотекарь. Мне казалось, что страж повесился сам.

– Если честно, я сомневаюсь в этом, но все же искренне вас благодарю, достопочтенный либрариум, – имперец сделал небольшой поклон и отправился восвояси.

Нитка, которая вела Клепия из Империи в Ноблос окончательно запуталась, образовав один большой спутанный клубок. Страж не сомневался в том, что Велисарий и культисты Фахтаче играют роль в поисках горы Шармат и одной из печатей.

Клепий возблагодарил старика и обещал зайти в библиотеку позже, чтобы забрать сказание о Фахтаче и Гесиоре. Сам же направился в сторону маяка Ноблоса, чтобы увидеть место, где был повешен (или повесился) страж.

Ноблосский маяк располагался у северно-западной части города, на небольшом острове, к которому вел каменный мост, который зиждился на толстых колоннах, спрятан-

ных под беспокойным морем. Вход на мост охраняли пешие наемники, одетые в легкие доспехи. Двое арбалетчиков и двое копьеносцев разглядывали каждого, кто пытался нарушить порядок. Само же это место называлось «мостом влюбленных», некоторые называли его совершенно по-другому – «мостом самоубийц». Здесь люди часто, одержимые идеей тщетности бытия, потерявшие смысл в дальнейшем волочении жалкой жизни, сбрасывались с моста и убивались об острые многочисленные рифы, либо тонули в беспокойном течении.

Маяк возвышался над городом. Он был построен в небольшой крепости, которая защищалась гарнизоном из наемников. Издалека Клепию казалось это здание очень высоким и величественным, сейчас же эпитетов стражу не хватало вовсе. Маяк был грандиозной постройкой и позволял за много стадий разглядеть торговым кораблям ориентир на Ноблос. Кроме того, маяк был оборудован защитными машинами – катапультами, скорпионами и бойницами на крепости, защищая центральную военную верфь Ноблоса, где располагался сильнейший флот Морского Востока. Горожане служили именно на море, презирая сухопутное ведение войны и в этом напоминали храбрых Семиостровцев или северных варваров Сърдов.

Мало тенистая песчаная аллея, по бокам от которой располагались жароустойчивые пальмы, вела к единственному входу в крепость. Здесь этот небольшой островок сужался

и еще более возвышался над остальной территорией. Маяк был огорожен белыми кирпичными стенами, на которых постоянно патрулировали наемные арбалетчики и стрелки с луками. На входе стояли тяжеловооруженные воины с пиками, однако они не обратили особого внимания на Клепия. Что может сделать один человек против такого гарнизона?

Внутри крепости кипела работа. Телега, которую притащили два вола, стояла подле лестницы, ведущей к маяку. На телеге было целых шесть бочонков со смесью, о которой Клепий узнал позднее. Как ему рассказали, смесь эта называется красное золото, которое активно используется в культах Фахтаче, здесь же на маяке, она позволяет поддерживать постоянный огонь, который с момента постройки никогда не гас. Крестьяне двуручной пилой распиливали бревна, которые в дальнейшем передавали крепким мужикам с топорами. Дрова клались в специальные корзины, которые, благодаря недюжинным усилиям работников сверху, доставлялись в самое сердце маяка – очаг, где и горел огонь, предназначенный для плутающих по бесконечным водным просторам кораблей. Помимо работников и наемников здесь можно было найти жрецов, судя по красному балахону и расписной тоге они были священниками Фахтаче. Женщины занимались приготовлением пищи в другом здании, примыкающем к стене. Пахло свежеспеченным хлебом и сладким картофелем. На другой стороне крепости, прямо под палящим солнцем на сети висела рыба, которая тоже годилась в

еду работникам маяка.

Страж еще раз осмотрел маяк. Здание было построено в форме цилиндра, без каких-либо видимых углов, если смотреть вверх, то ничего не разберешь. Клепий пытался без применения способностей эфира разглядеть где в вышине кончается маяк, однако ничего кроме летающих аистов и других более мелких птиц, щеголяющих под кучными тяжеловесными облаками, он не видел.

– Мне нужно поговорить со смотрителем маяка, – обратился Клепий к одному из наемников.

– А ты кто такой? – поинтересовался воин с изрядной долей скептицизма в голосе.

– Страж, имперец, – ответил путник, выставляя вперед бедро, на котором висел зачарованный меч. – Меня послали расследовать убийство, которое произошло тут недавно.

Наемник посмеялся.

– Самоубийство. Сентар на маяке, поднимайся.

Одно слово «поднимайся» стоило Клепию больше тысячи шагов. По началу он останавливался на каждой сотне ступеней, несмотря на хорошую физическую форму, преодолеть каменную винтовую лестницу было трудно. Позже, он начал останавливаться у каждого небольшого оконца, благодаря которым здесь гулял свежий прохладный ветер. Клепий взмок, сейчас ему хотелось сбросить доспехи и спрыгнуть с маяка прямо в море, окунуться в прекрасные морские воды. Однако дело было безотлагательным, он двигался все выше

и выше, проклиная все на свете и уже думая о том, как ему придется спускаться.

«Насколько толстыми ноги должны быть у смотрителя маяка?» – поинтересовался мысленно Клепий, думая о том, что подниматься сюда ежедневно невозможно.

Следующая остановка у окна стала для Клепия водопоём. Пригубив прохладной воды из фляги, он посмотрел в небольшое оконце, которое на этот раз выходило на юг. Отсюда выдавался прекрасный вид этого восточного муравейника – в некоторых местах крытые крыши практически были в настил, прикрывая друг друга, люди сновали туда-сюда, прятались под широкими козырьками на центральных улицах. Прекрасно было видно военную гавань Ноблоса – верфь, где кипела работа. Острое зрение Клепия позволило разглядеть как корабельщики строят очередной корабль для города, а матросы тренируются на старых триремах слаженной работе. Гавань была огромной дырой в Ноблосе, будто кто-то вырвал из города сердце и оставил там зияющую дыру. Корабли в гавани были словно селедки в бочке – забивали все водное пространство верфи. Клепий пытался сосчитать их количество, но уже после тридцати сбился. Сделав небольшую передышку, он отправился дальше вверх.

Вскоре, страж прибыл в самое сердце маяка – его святую святых, очаг, где всегда горел огонь, а смотритель поддерживал его круглосуточно от восхода и до заката Светила.

По всей округности лежали дрова, предназначенные для

поддержки огня. Стояли крепко сколоченные дубовые бочки, в которых хранилось «красное золото». Красное оно было только по названию, на самом деле же отливало двумя противоположными оттенками – лазурным и черным. В центре маяка стоял огромный котел, жар от которого чувствовался даже у самого края. Сентар, так звали смотрителя, стоял в одной простой набедренной повязке, исхудавший человек, тридцати-сорока солнцезаборов, с густыми бровями и жилистым телом. Специальный механизм, с крюком и лебедкой поднимал бочку вверх, одним движением рычага он опускал бочку и маяк возгорался еще сильнее. Пламя уходило далеко ввысь, опалая итак закопченный купол маяка. В центре купола зияла большая дыра, через которую выходил едва заметный дым от дров.

– Алвай, Сентар, – обратился издали к смотрителю Клепий, однако тот не услышал.

Путнику было невероятно жарко, он клял Бездной свою глупую голову, что торопился сюда. Казалось еще немного и страж грохнулся бы в обморок, если б не его выдержка, тренированная в ордене. Солнце пекло далеко не так, как жар от маяка, огонь здесь пел свою бодрую, казалось, военную песнь. Потрескивали дрова, которые слуги смотрителя подкидывали в огромное горнило. Сам же очаг был прикрыт чугунами прутьями, хоть немного, но это спасало от жара.

Смотритель сам заметил стража и направился к нему, отдав приказания своим слугам.

– Да не опалит тебя пламя нашей богини, путник, – поприветствовал смотритель своего гостя, сразу же признав в нем стража. – Меня зовут Сентар.

– Я Клепий, член ордена Стражей, – ответил гость. – Могу я тебя ненадолго отвлечь своими расспросами, Алвай?

Сентар кивнул головой и отошел чуть подальше от горни-ла, к ограждению верхнего этажа. Он облокотился на камен-ный парапет, где открывался еще более потрясающий вид. Протяни руку и половина города будет тебе по локоть.

«Наверно, так видят только боги. И смотритель Маяка».

Судя по обстановке, боги покинули это место из-за силь-ного жарева. Был только Сентар с бронзовой кожей и его слу-ги, которые трудились в поте лица.

– Вы можете рассказать, что тут произошло, неделю на-зад? – задал вопрос Клепий.

Сентар со смешанными эмоциями посмотрел на Клепия и начал рассказ.

– То был мой рабочий день, мы попали в пересменку с моим товарищем смотрителем Ламосом. Это я обнаружил тело стража, оно висело на веревке, того подъемного меха-низма. Была вторая половина третьей дневной стражи, солн-це уже зашло за горизонт и было темно, поначалу я не мог разобрать, что висело на веревке. Слуги втащили на маяк те-ло, закованное в кольчугу, я не знал, кто это, пока слуги не передали мне слухи из склепа. Только на следующий день я узнал, что этот человек приплыл из Империи. Что заставило

его пойти на этот шаг неизвестно.

От стража не ускользнул бегающий взгляд Сентара и то, что он постоянно отводил свой взор от глаз Клепия. С виду он не казался уверенным в своем рассказе, но голос его держался твердо. И все равно, что-то в его истории не сходилось.

– Разве при пересменке на маяке никого не бывает? – поинтересовался Клепий у зрителя. – Я думал, вы сменяетесь только на этом месте.

Сентар начал нервничать. Его левая рука теребила набедренную повязку, а правой он поправлял потрепанную прическу.

– Да, но в тот день Ламос спустился с маяка раньше времени, ссылаясь на боли в животе, – ответил Сентар. – Говорил, мидии, купленные у Местофана на рынке, были несвежие. Этот гад и мне в тот раз подсунул рыбу, которая уже три дня разлагалась на прилавке, сдобрил ее солью как следует.

Клепий понимал, что обычным разговором тут мало чего добьешься. Сила – это показатель любого человека и проявляться она может в разных ипостасях. У кого-то есть сила физическая, у кого-то умственная. Здешний зритель не владел ни той, ни другой и страж думал, что стоит только лишь немного поднажать и Сентар лопнет как переспелый мандарин.

– Боги посмеиваются над таким удивительным совпадением, Сентар, – говорил страж. – Каким же образом Ламос не увидел стража, а если он его и видел, то почему не пере-

дал тебе, что чужой на маяке? Где же были слуги Ламоса в тот момент?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.